ДИАНА ГЭБЛДОН
ЧУЖЕСТРАНКА
КНИГА 1
ВОСХОЖДЕНИЕ К ЛЮБВИ
СМОТРИТЕ СЕРИАЛ – ЧИТАЙТЕ КНИГУ!

Диана Гэблдон

Чужестранка. Книга 1. Восхождение к любви

Серия «Чужестранка», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143379
Диана Гэблдон. Чужестранка. Книга 1. Восхождение к любви: Эксмо, Домино; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-78547-6

Аннотация

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера – любви, которой не страшны пространство и время, – завоевала сердца миллионов читателей во всем мире.

Это история женщины, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам.

1945 год. Клэр Рэндолл, четыре года прослужившая медсестрой на фронте, возвращается к мирной жизни и воссоединяется со своим мужем Фрэнком. Они уезжают в Шотландию, чтобы отпраздновать свой второй медовый месяц и отыскать сведения о предках Фрэнка. Но одно мимолетное прикосновение к камню из древнего святилища – и Клэр необъяснимым образом переносится из XX века в 1743 год, в то время, когда Шотландию раздирала кровавая междоусобная война.

Содержание

Часть первая. Инвернесс. 1945 год 5
Глава 1. Новое начало 5
Глава 2. Каменные столбы 19
Глава 3. Человек в лесу 36
Глава 4. Я прибываю в замок 54
Глава 5. Маккензи 62
Часть вторая. Замок Леох 67
Глава 6. Приемная колума 67
Конец ознакомительного фрагмента. 71

Диана Гэблдон
Чужестранка. Книга 1. Восхождение к любви

Diana Gabaldon
Outlander
Copyright © 1991, 2011 by Diana Gabaldon
Перевод с английского *Л. Лебедевой*
Иллюстрация на переплете *Михаила Петрова*
© Лебедева Л., перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2015

*** * ***

Памяти моей матери Жаклин Сайкс Гэблдон, которая научила меня читать

Люди исчезают постоянно. Спросите об этом у любого полицейского. Или, еще лучше, у журналиста. Для журналистов исчезновения – хлеб насущный.

Юные девицы убегают из дома. Дети покидают родительский кров и не возвращаются. Домоправительницы теряют терпение и, прихватив хозяйственные деньги, берут такси до вокзала. Международные финансисты меняют имена и скрываются в дыму импортных сигар.

Многие из пропавших находятся. Так или иначе. Живыми или мертвыми. Исчезновения в конце концов получают объяснение. Как правило.

Часть первая. Инвернесс. 1945 год

Глава 1. Новое начало

Это было не слишком подходящее место для исчезновений, во всяком случае на первый взгляд. Меблированные комнаты миссис Бэйрд не отличались от тысячи других таких же пансионов с завтраком в горной Шотландии 1945 года, чистеньких и тихих: обои в цветочек, полы натерты до блеска, в туалетной комнате надо опустить монетку, чтобы потекла горячая вода. Сама миссис Бэйрд была маленькая, толстенькая и очень подвижная; ее ничуть не беспокоило, что Фрэнк разбрасывает множество своих книжек и газет, без которых для него немыслима никакая поездка, по ее крошечной – обои в розочках – гостиной.

Я встретила миссис Бэйрд в передней, собираясь уходить. Одной пухлой ручкой она ухватила меня за рукав, а другую протянула к моим волосам.

– Миссис Рэндолл, это просто невозможно – выходить на люди с такой головой! Подождите, я немного поправлю, вот так. Уже лучше. Моя кузина говорила мне, что сделала перманент по новому способу, выглядит великолепно и держится – прямо мечта. Может, и вам стоит в следующий раз попробовать…

У меня не хватило храбрости сказать ей, что мои непослушные каштановые кудряшки – всего-навсего ошибка природы, а не результат небрежности искусников от перманента. Туго и аккуратно уложенные волны на голове миссис Бэйрд свидетельствовали, что к ее прическе отнеслись со всем тщанием.

– Я непременно так и поступлю, миссис Бэйрд, – соврала я. – Я иду вниз в деревню, мы договорились встретиться там с Фрэнком. Вернемся к чаю.

Выскочив за дверь, я быстро зашагала по дорожке, пока она не успела углядеть в моей наружности еще какие-нибудь дефекты. Я четыре года прослужила медсестрой в Королевской армии и, радуясь избавлению от форменной одежды, носила светлые легкие хлопчатобумажные платья, совершенно непригодные для прогулок по вересковым пустошам.

Нельзя сказать, чтобы я загодя планировала много таких прогулок; мечты мои устремлялись совсем к другому: спать подольше по утрам, а по вечерам побольше времени проводить в постели с Фрэнком, но уже не спать. Однако поддерживать соответствующее томно-романическое настроение оказалось не слишком легко из-за рвения и постоянства, с каким миссис Бэйрд орудовала пылесосом поблизости от нашей двери.

– Должно быть, это самый грязный ковер во всей Шотландии, – к такому заключению пришел Фрэнк нынче утром, когда мы с ним еще лежали в постели, а в прихожей неистово ревел пылесос.

– Почти такой же грязный, как воображение нашей хозяйки, – согласилась я. – Может, нам стоило бы перебраться в Брайтон.

Мы получили возможность отдохнуть перед тем, как Фрэнк приступит к своим обязанностям профессора истории в Оксфорде, и выбрали Шотландию из-за того, что ее меньше, чем другие области Британии, коснулись ужасы войны, а неистовая веселость послевоенного времени не поразила ее в той степени, как многие другие курортные места.

Кроме того – хоть мы этого и не обсуждали, – для нас обоих горы Шотландии имели некое символическое значение, если иметь в виду восстановление нашей супружеской жизни; мы поженились семь лет назад и успели провести именно в Шотландии всего два дня нашего медового месяца, перед тем как разразилась война. Мирное прибежище, где мы вновь обретем друг друга, – так мы думали, несколько упустив из виду, что если гольф и рыбная ловля – наиболее популярные местные виды спорта на вольном воздухе, то излюб-

ленным спортом для закрытых помещений здесь являются сплетни и пересуды. Поскольку в Шотландии часто идут дожди, люди проводят в закрытых помещениях достаточно много времени.

– Ты куда собираешься? – спросила я, когда Фрэнк спустил ноги с кровати.

– Ужасно не хочется разочаровывать старушку, – ответил он и, сидя на краю древней кровати, принялся раскачиваться взад-вперед.

Кровать пронзительно скрипела. Пылесос в прихожей внезапно умолк. Покачавшись минуту или две, Фрэнк испустил громкий театральный стон и с маху откинулся назад, так что пружины матраса возмущенно зазвенели. Я захихикала и уткнулась в подушку, чтобы не спугнуть затаившую дыхание слушательницу за дверью.

Фрэнк зверски нахмурил брови.

– Ты должна стонать в экстазе, а не хихикать, – прошипел он. – Иначе она решит, что я никуда не годный любовник.

– Тебе следовало бы заниматься этим подольше, чтобы услышать экстатические стоны. Две минуты только хихиканья и заслуживают.

– Шлюшка бессердечная! Прошу не забывать, что я сюда приехал на отдых.

– Ты самый настоящий лентяй! Если не будешь усердно трудиться, на твоем генеалогическом древе никогда не вырастет новая ветвь!

Кстати, страсть Фрэнка к генеалогии была еще одной причиной, которая привела нас в Шотландию. Если верить некоему грязному клочку бумаги – Фрэнк повсюду таскал его с собой, – то один из его занудных предков имел какое-то отношение к чему-то в этом районе то ли в восемнадцатом, то ли даже в семнадцатом веке.

– Если я превращусь в засохший бесплодный сучок на моем фамильном древе, то повинна в этом будет наша неутомимая хозяйка. Ведь мы женаты почитай что восемь лет. Маленький Фрэнк-младший может быть зачат на вполне законных основаниях без присутствия свидетелей.

– Если он вообще будет зачат, – пессимистически добавила я, вспомнив о разочаровании, которое мы пережили за неделю до отъезда в горы.

– При таком бодрящем воздухе и здоровой диете? Чем еще мы могли бы этому помочь?

Позавчера на обед подавали жареную сельдь. Вчера на ланч – сельдь соленую, а сегодня на завтрак, судя по запаху, который доносился снизу, нам должны были подать сельдь копченую.

– Если ты не хочешь дать миссис Бэйрд еще один повод для нотации, – сказала я, – то тебе, пожалуй, пора одеваться. Ты ведь, кажется, должен встретиться с пастором в десять?

Достопочтенный доктор Реджиналд Уэйкфилд, викарий местного прихода, должен был предоставить Фрэнку возможность изучить неотразимо привлекательные записи о крещениях, не говоря уже о блестящей перспективе откопать какие-нибудь ветхие офицерские списки или хотя бы упоминание о пресловутом предке.

– А как звали твоего прапрапрапрадедушку, который крутился где-то в этих краях во время одного из восстаний? – спросила я. – То ли Уилли, то ли Уолтер, не могу вспомнить.

– На самом деле его звали Джонатан.

Фрэнк, в общем, мирно относился к тому, что я не проявляю никакого интереса к истории его семьи, но постоянно был на страже, готовый воспользоваться малейшим проявлением любознательности с моей стороны как поводом для сообщения фактов о прошлом Рэндоллов и об их генеалогических связях. Он застегивал рубашку, а в глазах уже вспыхнул неистовый блеск лектора-фанатика.

– Джонатан Уолвертон Рэндолл – Уолвертоном его назвали в честь дяди по матери, второго по старшинству сына рыцаря из Суссекса. Но он был гораздо более известен под

лихим прозвищем Черный Джек, которое заслужил в армии, думаю, как раз во время пребывания в этих местах.

Я плюхнулась ничком на постель и притворно захрапела. Фрэнк, не обращая на меня внимания, продолжал свои научные толкования:

– Он приобрел патент на офицерский чин в середине тридцатых годов, я имею в виду тысяча семьсот тридцатых, и был драгунским капитаном. Судя по этим вот старым письмам, знаешь, которые мне прислала кузина Мэй, в армии он служил хорошо. Недурной вариант для второго сына. Младший из троих братьев, в соответствии с традицией, стал священником, но о нем мне пока что ничего не довелось узнать. Во всяком случае, Джек Рэндолл получил похвалу от герцога Сандрингема за свои действия накануне и во время событий сорок пятого года, то есть второго якобитского восстания. – И добавил, обращаясь к равнодушной аудитории: – Ну ты же знаешь, Красавчик принц Чарли и тому подобное[1].

– Я не уверена, что шотландцы поняли, кого они потеряли, – заметила я, усаживаясь на постели и пытаясь привести в порядок волосы. – Вчера в пабе я слышала, что бармен называл нас словечком «сэсинак».

– А почему бы и нет? – благодушно отозвался Фрэнк. – Это всего-навсего означает «англичанин» или, на худой конец, «чужак», а мы и есть чужаки.

– Я знаю, что это означает. Мне его тон не понравился.

Фрэнк перегнулся через письменный стол за своим брючным ремнем.

– Он просто обиделся. Я сказал, что эль у них слабый. И еще прибавил, что в бочку с настоящим шотландским пивом полагается бросить для крепости старый башмак, а готовый продукт процедить через изрядно изношенную тряпку от нижнего белья.

– А-а, так вот что повлияло на сумму счета!

– Я выразился столь тактично потому, что в гэльском языке[2] нет слова, которое обозначало бы штаны или подштанники.

Я потянулась за собственными трусиками, несколько заинтригованная.

– А почему нет? Разве шотландцы в старину не носили нижнего белья?

Фрэнк покосился в мою сторону.

– А ты никогда не слышала песенку о том, что носит шотландец под своим килтом[3]?

– Надеюсь, что не панталончики до колен, как у истых джентльменов, – сухо заметила я. – Может, мне, пока ты будешь резвиться с викарием, пойти поискать местного любителя национальной одежды и спросить у него?

– Пожалуйста, только постарайся, чтобы тебя не арестовали, Клэр, декану колледжа Святого Гилберта это наверняка не понравилось бы.

Я не встретила ни одного шотландца в килте, который слонялся бы по городской площади или охранял окружавшие ее магазины. Но народу там было порядочно, в основном хранительницы домашнего очага вроде миссис Бэйрд, совершающие покупки. Они были весьма говорливы и явно любили посплетничать; их солидные, облаченные в платья из набивного ситца фигуры делали атмосферу в магазинах какой-то особенно уютной и теплой – в противоположность холодной утренней измороси на улице.

Я не занималась хозяйством, и покупать мне было почти нечего, но разглядывание товаров, вновь в изобилии появившихся на полках, доставляло огромное удовольствие.

---

[1] Красавчик принц Чарли – одно из прозваний принца Карла Стюарта (1720–1788), или Младшего претендента, возглавлявшего якобитское восстание 1745–1746 гг. Якобиты – сторонники короля Якова II (правил в 1685–1688) и его наследников. (*Здесь и далее примеч. переводчика*.)

[2] Гэльский (иначе гаэльский, шотландский, эрский) язык – один из кельтских языков; распространен в Северо-Западной Шотландии. По происхождению – диалект ирландского языка.

[3] Килт – клетчатая шерстяная юбка до колен, национальная одежда мужчин в Шотландии.

Слишком уж долго все выдавалось по карточкам, к тому же приходилось отказывать себе даже в таких обыкновенных вещах, как мыло или яйца, а уж о малейшей роскоши вроде одеколона «Голубой час» и говорить нечего.

Я задержалась у витрины с предметами домашнего обихода: там были вышитые чайные скатерти и салфетки, кувшины и стаканы, стопка форм для пирогов и набор из трех ваз.

Ваз у меня никогда не было. Во время войны я жила, естественно, в казармах для медсестер, сначала в госпитале Пемброк, позднее – в полевом госпитале во Франции. А до войны мы нигде не жили подолгу и потому ничем подобным не обзаводились. Купи я себе какую-никакую вазочку, дядя Лэм натолкал бы в нее своих археологических черепков задолго до того, как я собралась бы поставить в нее хотя бы букетик маргариток.

Квентин Лэмберт Бошан. Кью – для студентов-археологов и для друзей, доктор Бошан – в ученых кругах, в которых он вращался, преподавал, вообще существовал. Но для меня всегда только дядя Лэм.

Единственный брат моего отца и мой единственный живой родственник, он поселился со мной, пятилетней девочкой, после того как мои родители погибли в автомобильной катастрофе. В то время он как раз обдумывал и планировал путешествие на Средний Восток, но его приготовления были надолго отложены из-за похорон, необходимости распорядиться наследством моих родителей, а меня поместить в хорошую школу-интернат для девочек. «Помещаться» в эту школу я отказалась наотрез.

Дядя Лэм ненавидел личные конфликты любого рода; столкнувшись с необходимостью отдирать мои пухлые пальчики от дверной ручки машины и насильно волочить меня по ступенькам лестницы ко входу в школу, он вздохнул в отчаянии, пожал плечами и выбросил из окна машины свои благие намерения вместе с моей новой круглой соломенной шляпкой.

– Гадость, – пробормотал он, глядя в зеркало заднего вида, как шляпка весело катится по дороге, в то время как мы на большой скорости уезжаем в противоположном направлении. – Всю жизнь ненавидел дамские шляпки. Любые. – Суровым взглядом он пригвоздил меня к месту и произнес не менее суровым тоном: – Запомни одно: ты не будешь играть в куклы моими персидскими резными статуэтками. Все, что угодно, только не это. Поняла?

Я кивнула, полностью удовлетворенная. И поехала с ним на Средний Восток, потом в Южную Америку, а потом еще в десятки разных городов по всему миру. Я научилась читать и писать по заголовкам журнальных статей, научилась рыть уборные, кипятить воду и делать еще множество вещей, совершенно не подходящих для девицы хорошего происхождения, и занималась всем этим, пока не встретила красивого темноволосого историка, который приехал к дяде проконсультироваться по поводу связей французской философии с египетскими религиозными обрядами.

Но и после того, как мы с Фрэнком поженились, мы вели кочевой образ жизни, свойственный молодым представителям науки, которым приходится обитать либо в гостиницах во время научных конференций, либо во временных съемных квартирах. Потом разразилась война, Фрэнк попал в офицерскую школу и затем в разведгруппу МИ-6, а я поступила в школу медсестер. И хотя мы и в самом деле женаты почти восемь лет, нашим первым собственным домом будет новый дом в Оксфорде.

Крепко зажав сумку под мышкой, я вошла в магазин и купила вазы.

Я встретила Фрэнка на Хай-стрит, у поворота на Джирисайд-роуд, по которой мы и пошли дальше вместе. Увидев мои покупки, он удивленно приподнял брови.

– Вазы? – Он улыбнулся. – Замечательно. Наконец-то перестанешь вкладывать цветы в мои книжки.

– Это вовсе не цветы, это образчики, нечто вроде гербария. Ты же сам хотел, чтобы я занялась ботаникой. Чем-то же надо заполнять мозги, раз уж я больше не медсестра.

– Верно. – Он одобрительно кивнул. – Но я как-то не имел в виду, что каждый раз, едва я раскрою справочник, мне на колени будет сыпаться сушеная зелень. Что это за труху ты поместила в Таскама и Бэнкса?

– Горец перечный. Помогает при геморрое.

– Готовишься к моей близкой старости? Как это предусмотрительно с твоей стороны, Клэр!

Смеясь, мы вошли через калитку во двор, и Фрэнк остановился, чтобы пропустить меня вперед по узкой лесенке ко входу.

Внезапно он схватил меня за руку.

– Постой! Не наступи на это.

Я остановилась, приподняв ногу над темнеющим на ступеньке большим коричнево-красным пятном.

– Странно, – сказала я. – Миссис Бэйрд скоблит и моет эти ступеньки каждое утро, я это видела. Как ты думаешь, что это такое?

Фрэнк наклонился пониже и осторожно принюхался.

– В общем-то, я бы сказал, что это кровь.

– Кровь! – Я отступила на шаг. – Чья? – Я с беспокойством заглянула в дом. – Ты полагаешь, что с миссис Бэйрд произошел несчастный случай?

Я не могла себе представить, чтобы наша безупречно чистоплотная хозяйка могла оставить кровавые пятна сохнуть на ступеньках возле двери. Если не произошло, конечно, нечто чрезвычайное. На минуту я представила себе, что гостиной завладел маньяк-убийца с топором в руках, готовый сию минуту наброситься на нас.

Фрэнк покачал головой. Приподнявшись на цыпочки, он заглянул через забор в соседний дворик.

– Я бы этого не сказал. Вон у Коллинзов на пороге точно такое же пятно.

– Правда?

Я подошла к Фрэнку – во-первых, мне и самой хотелось посмотреть через забор, а во-вторых, я нуждалась в моральной поддержке.

Трудно представить себе Шотландию в качестве арены массовых убийств, но преступники такого сорта вряд ли руководствуются логическими критериями при выборе места действия.

– Это все как-то… неприятно, – заметила я. На соседнем участке тоже не было никаких признаков жизни. – Как ты думаешь, что случилось?

Фрэнк сдвинул брови и задумался. Потом его вдруг осенило, и он с размаху шлепнул себя ладонью по ноге.

– Кажется, я понял, в чем дело! Подожди здесь немного.

Он ринулся к калитке и рысью выбежал на дорогу, оставив меня в полном недоумении возле лестницы.

Вернулся он очень скоро, сияя благорасположением.

– Да, пожалуй, я прав, так оно и должно быть. Точно такие пятна возле каждого дома на нашей улице.

– Ну и что это значит? Визит убийцы-маньяка?

Я говорила несколько резковато: нервы были еще не совсем в порядке после того, как меня оставили одну во дворе наедине с большим пятном крови.

Фрэнк засмеялся:

– Нет, это ритуальная жертва.

Он опустился на четвереньки в траву и уставился на пятно с большим интересом.

Это звучало ничуть не лучше, нежели «убийца-маньяк». Я присела на корточки рядом с Фрэнком и понюхала пятно. Для мух было еще рано, но два больших шотландских комара сидели возле высыхающей лужи крови.

– Что ты имеешь в виду, говоря о ритуальной жертве? – спросила я. – Миссис Бэйрд аккуратно посещает церковь, ее соседи тоже. Здесь все-таки не жертвенный холм друидов[4].

Фрэнк поднялся и отряхнул брюки от стебельков травы.

– Все-то ты знаешь, девочка моя. А между прочим, нет другого места на земле, где суеверия и колдовство так тесно входили бы в обыденную жизнь, как здесь, в горной Шотландии. Церковь церковью, но миссис Бэйрд все равно верит в Старинный Народ, и все ее соседи тоже.

Кончиком до блеска начищенного ботинка он показал на пятно.

– Это кровь черного петуха, – пояснил он. – Дома совершенно новые. Сборные, фабричного производства.

Я посмотрела на него весьма холодно.

– Если ты воображаешь, что все объяснил, то это заблуждение. Подумай еще раз. Какая разница, старые это дома или новые? И куда все люди подевались?

– Думаю, собрались в пабе. Пошли посмотрим?

Фрэнк взял меня за руку и повел к калитке, а потом вниз по Джирисайд-роуд.

– В старые времена, – говорил он по дороге, – впрочем, не так уж давно, при закладке дома по обычаю убивали какое-нибудь живое существо и закапывали под фундаментом как искупительную жертву местным духам земли. Обычай древний, как эти холмы. «И зароет он первенца своего в основании дома, а младшего сына под воротами».

Меня просто передернуло от этой цитаты.

– Слава богу, что в наше время они отдают дань современности и прогрессу и приносят в жертву всего лишь петухов. Ты имеешь в виду, что, поскольку дома новые и при постройке никто ничего под ними не закапывал, их обитатели теперь исправили ошибку?

– Совершенно верно. – Фрэнк, явно довольный моей понятливостью, похлопал меня по спине. – По словам викария, многие из здешних жителей верят, что война была послана в наказание за то, что люди отвернулись от старинных обычаев, забыли о своих корнях, перестали, к примеру, закапывать жертвы под фундаментом и сжигать рыбьи кости в камине, за исключением костей пикши.

Он так и сиял, углубившись в любезную сердцу тему.

– Кости пикши сжигать ни в коем случае нельзя, понятно тебе? В противном случае ты больше никогда ни одной не поймаешь. Кости пикши нужно закапывать в землю.

– Я запомню, – пообещала я. – Скажи мне, что следует сделать, чтобы больше не увидеть селедку, и я это немедленно совершу.

Он покачал головой, погруженный в глубины памяти, весь во власти научного экстаза и магии сведений, полученных из множества источников, – в такие минуты он совершенно терял связь с окружающей реальностью.

– Насчет селедки не знаю, – ответил он с отсутствующим выражением лица. – Против мышей надо повесить пучки травки под названием «дрожащий джок» и произнести заклинание: «Дрожащий джок повесим тут, и мыши в доме пропадут». Кажется, так. А что касается жертв, зарытых под фундаментом, то отсюда идут все легенды о призраках. Ты помнишь большой дом в конце Хай-стрит? Он называется «Маунтджералд». Так вот, в нем обитает призрак одного из рабочих, которые строили этот дом. Рабочего будто бы зарыли под домом в качестве ритуальной жертвы. В восемнадцатом веке, это же совсем не так давно.

Фрэнк немного помолчал, задумавшись, потом продолжал:

---

[4] Друиды – жрецы у древних кельтов.

– Говорят, что по приказу владельца дома одну из стен возвели первой, а потом сбросили сверху каменный блок на голову рабочему, скорее всего, парню, который всем докучал и потому был избран жертвой. Его похоронили на том месте, а потом над ним возвели весь дом. Он появляется в чулане, под полом которого его зарыли, но только в годовщину своей смерти или в один из четырех Старых Дней.

– Старых Дней?

– Это старинные праздники, – объяснил Фрэнк, все еще блуждая в лабиринтах сознания. – Хогманей, то есть канун Нового года, Иванов день, потом Белтейн, или Праздник кельтских костров, и День всех святых. Друиды, древние пикты, вообще все древние народы Британии отмечали праздники Солнца и Огня. В праздничные дни призраки получают свободу бродить где хотят и творить злые или добрые дела, как им заблагорассудится.

Он в задумчивости потер подбородок.

– Белтейн как раз на носу, он отмечается незадолго до весеннего равноденствия. Когда попадешь в следующий раз в церковный двор, посмотри повнимательнее.

Глаза у Фрэнка весело заблестели, и я поняла, что он вышел из транса. Я рассмеялась:

– И много здесь знаменитых местных призраков?

Фрэнк пожал плечами:

– Право, не знаю. Давай спросим викария, когда увидимся с ним в следующий раз, согласна?

Викария мы увидели очень скоро. Он, как и большинство его прихожан, сидел в пабе и попивал легкое светлое пиво по случаю нового освящения домов.

Он казался несколько смущенным: его застукали на том, что он смотрит сквозь пальцы на проявления язычества.

Впрочем, он тут же свел это к наблюдению за интереснейшими местными обычаями исторического характера и почувствовал себя вполне свободно.

– Это просто зачаровывает, – доверительно сообщил он, и я с глубоким внутренним вздохом распознала песенку ученого, столь же знакомую, как «терруит!» лесного дрозда.

Распознал зов родственной души и Фрэнк, подсел к нему, и оба тотчас по самую шейку погрузились в архетипы и параллели между древними верованиями и современной религией. Я пожала плечами, протолкалась сквозь толпу к бару и вернулась назад с двумя большими рюмками бренди с водой.

Зная по опыту, как трудно отвлечь внимание Фрэнка от подобного сорта дискуссии, я просто сунула рюмку ему в руку и оставила их в покое.

На широкой скамейке у окна я нашла миссис Бэйрд, где она распивала пинту горького пива в обществе немолодого мужчины, который был мне представлен как мистер Крук.

– Я говорила вам о нем, миссис Рэндолл, – заявила она, блестя глазами и оттого, что немного выпила, и от присутствия мистера Крука. – Это тот самый, кто знает все растения. Миссис Рэндолл ужас как интересуется растениями, – немедленно поведала она своему компаньону, наклонившему голову поближе к ней отчасти в знак вежливости, отчасти из-за неважного слуха. – Она их засовывает в книжки и сушит.

– В самом деле? – Мистер Крук приподнял косматую правую бровь, совершенно белую. – У меня есть специальные гербарные сетки, предназначенные для засушивания растений. Остались после того, как мой племянник, он в университете учится, приезжал сюда на каникулы. Он привез их мне, а у меня не хватило духу сказать ему, что я такими вещами не пользуюсь. Травы надо сушить в пучках на весу либо на раме, а потом хранить в марлевых мешочках или в кувшинах. Зачем расплющивать эти маленькие создания, ей-богу, не понимаю.

– Но быть может, – мягко вмешалась миссис Бэйрд, – миссис Рэндолл хочет сделать из засушенных мальвочек или фиалок красивые картинки, чтобы повесить их на стену в рамке?

– Ммфм… – По морщинистому лицу мистера Крука нельзя было догадаться, как он отнесся к этому сообщению. – Ла-адно, миссис, ежели эти сетки вам нужны, вы их можете получить, добро пожаловать. Выбрасывать их не хотелось бы, но мне от них никакого проку.

Я заверила мистера Крука, что с удовольствием воспользуюсь его любезным предложением, но была бы еще больше обрадована, если бы он мне показал, где здесь растут некоторые редкие растения. Несколько секунд он пристально изучал меня взглядом, склонив голову набок, словно повидавшая виды пустельга, но, придя наконец к выводу, что интерес мой самый обычный, без подвоха, назначил встречу утром, чтобы мы вместе прошлись по кустарникам. Фрэнк, насколько я знала, собирался в Инвернесс на целый день, чтобы посмотреть какие-то записи в городской ратуше, и я была рада предлогу не ездить вместе с ним. Для меня все эти записи ничем не отличались одна от другой.

Вскоре Фрэнк наконец-то отклеился от викария, и мы отправились домой в обществе миссис Бэйрд. Я постеснялась заговорить с ней о пятне крови на крыльце; что касается Фрэнка, то он подобной застенчивости не проявил и с пристрастием расспрашивал о происхождении этого обычая.

– Он, наверное, очень древний? – спросил он, со свистом нахлестывая прутом по траве на обочинах.

Желтенькие примулы-барашки уже распустились, цвели и первые анемоны, а почки на ракитнике набухли; еще неделя – и появятся сережки.

– О да, – откликнулась миссис Бэйрд, бодро шагая рядом с нами вперевалочку. – Никто и не знает точно, с какого времени он существует. Наверное, даже раньше, чем появились великаны.

– Великаны? – удивилась я.

– Да, великаны, Фьонн и Фейн, разве вы не знаете?

– Это герои гэльских народных сказок, – оживился Фрэнк. – Вероятно, скандинавского происхождения. Скандинавское влияние здесь можно обнаружить повсюду, по всему побережью к западу. Даже названия некоторых мест скандинавские, а не гэльские.

Я округлила глаза, опасаясь вспышки праведного гнева со стороны миссис Бэйрд, но она только мило улыбнулась и охотно согласилась с Фрэнком: да, совершенно верно, она сама, когда ездила на север, видела камень, который называется Два Брата. Он ведь скандинавский, правильно?

– Скандинавы периодически появлялись в этих краях в течение сотен лет, примерно с пятисотого года от Рождества Христова и до тысяча трехсотого, – сказал Фрэнк, мечтательно глядя на облака у горизонта, словно их очертания напоминали ему похожие на драконов корабли викингов. – Викинги! Они принесли с собой множество мифов, которые пали здесь на благодатную почву. В этом краю будто видишь начало вещей.

Этому я могла поверить. Спускались сумерки, и вместе с ними надвигалась гроза. Какой-то неземной, загадочный свет разливался под облаками, и даже совершенно новые дома вдоль дороги казались такими же древними и мрачными, как источенный непогодами пиктский столб в сотне футов от нас, вот уже тысячу лет обозначающий перекресток. В такой вечер лучше всего сидеть дома при закрытых ставнях.

Тем не менее Фрэнк предпочел пойти пропустить стаканчик шерри к местному адвокату мистеру Бейнбриджу, который весьма интересовался старинными документами, а не сидеть в уютной гостиной миссис Бэйрд и любоваться при помощи стереопроектора видами гавани Перта. Освежив в памяти мою предыдущую встречу с мистером Бейнбриджем, я предпочла Перт.

– Постарайся вернуться до начала грозы, – сказала я, целуя Фрэнка на прощание. – Передай мистеру Бейнбриджу мои извинения.

– Ммм, да. Да, конечно.

Старательно избегая встречаться со мной глазами, Фрэнк натянул пальто и ушел, захватив зонтик со стойки у двери.

Я закрыла за ним дверь, но не опустила защелку, чтобы он мог войти, никого не беспокоя. Вернулась в гостиную, по пути размышляя, что в данной ситуации Фрэнк охотно изобразил бы из себя холостяка, а мистер Бейнбридж столь же охотно принял бы такую интерпретацию. И мне не на что обижаться в этом случае.

Во время нашего вчерашнего визита к адвокату поначалу все шло хорошо. Я держалась скромно, тактично, разумно, не выставляла себя на первый план, оделась сверхаккуратно и неброско – словом, истинный идеал супруги преподавателя и члена совета колледжа. Ровно до того момента, как подали чай.

Вспомнив об этом, я повернула руку ладонью вверх и посмотрела на длинный волдырь, пересекающий основания четырех пальцев. В конце концов, это же не моя вина, что мистер Бейнбридж, вдовец, пользовался дешевым жестяным чайником для заварки вместо фарфорового или фаянсового. И не моя вина, что он любезно попросил меня разлить чай. И тем более не моя вина, что матерчатая прихватка оказалась с дырой и раскаленная ручка чайника вступила в непосредственный контакт с рукой.

Нет, решила я. Бросить чайник – совершенно естественная реакция. Чайник упал на колени мистеру Бейнбриджу – это просто несчастная случайность: куда-то же я должна была его бросить. Беда лишь в том, что я выкрикнула: «Чертов затраханный чайник!» – да еще таким голосом, от которого мистер Бейнбридж в свою очередь испустил громкое восклицание, а мой Фрэнк кинул на меня уничтожающий взгляд поверх блюда с пшеничными лепешками.

Придя в себя после шока, мистер Бейнбридж повел себя исключительно галантно; он хлопотал над моей обожженной рукой и никак не реагировал на просьбы Фрэнка извинить мой лексикон, которого я нахваталась, прослужив два года в военно-полевом госпитале.

– Боюсь, моя жена подцепила там некоторое количество, э-э, колоритных выражений от янки и тому подобной публики, – пояснил Фрэнк с нервной улыбочкой.

– Что верно, то верно, – подтвердила я, скрежеща зубами от боли и обматывая руку мокрой салфеткой. – Мужчины имеют обыкновение выражаться весьма колоритно, когда вы удаляете из ран осколки шрапнели.

Мистер Бейнбридж тактично попытался перевести разговор на нейтральную историческую почву; как он сказал, его всегда интересовали изменения, происходящие с бранными выражениями в течение веков. Он привел некоторые весьма скромные примеры, и Фрэнк с явной радостью принял эту руку помощи.

– Да-да, конечно, – подхватил он. – Клэр, сахара мне не клади, пожалуйста… Меня интересует, так сказать, общая эволюция бранных выражений.

– Она происходит и в настоящее время, – вставила свое слово и я, осторожно подхватив щипчиками кусок сахара.

– В самом деле? – полюбопытствовал мистер Бейнбридж. – Вы зафиксировали какие-нибудь особенно интересные варианты за время вашей… мм… военной службы?

– О да, – ответила я. – Особенно мне понравилось одно, я услышала его как раз от янки. Некто по фамилии Уильямсон, родом, кажется, из Нью-Йорка. Он произносил это выражение каждый раз, когда я делала ему перевязку.

– Какое же это выражение?

– Иисус твою Рузвельт Христос! – ответила я и бросила кусок сахара в чашку Фрэнка.

После вполне мирных и даже симпатичных посиделок с миссис Бэйрд я поднялась к себе, чтобы приготовиться к возвращению Фрэнка. Я знала его норму шерри – две рюмки, так что он должен был вернуться скоро.

Ветер крепчал, и даже в спальне воздух был наэлектризован. Я провела щеткой по волосам – и они затрещали, поднялись дыбом, разлетелись во все стороны. Но я решила, что нынче ночью волосы мои не будут торчать во все стороны никоим образом. Я хотела во что бы то ни стало гладко зачесать их назад, но они лезли на щеки и упорно сопротивлялись.

В кувшине ни капли воды; Фрэнк использовал всю, когда приводил себя в порядок, собираясь к мистеру Бейнбриджу, а я не позаботилась вновь наполнить кувшин из крана в туалетной комнате. Я взяла флакон «Голубого часа», налила в ладонь порядочное количество жидкости, а потом обеими руками быстро намочила душистой влагой волосы. Смочила одеколоном головную щетку и зачесала волосы назад, за уши.

Прекрасно. Получилось гораздо лучше, решила я, поворачивая голову из стороны в сторону перед покрытым пятнами зеркалом. Влага убрала с волос статическое электричество, и теперь они лежали тяжелыми, блестящими волнами, обрамляя лицо. Спирт испарился, а тонкий приятный запах остался. Фрэнку запах понравится, ему вообще нравится «Голубой час».

За окном ослепительно вспыхнула молния, и сразу вслед за ней загрохотал гром. Свет погас, и я осталась в полной темноте. Нащупала стол. Где-то должны быть спички и свечи; в Шотландии короткие замыкания – столь обычное явление, что свечи здесь – необходимый предмет обстановки в любой гостинице, любом отеле. Я видела их даже в самых элегантных отелях – там они благоухали жимолостью и были вставлены в украшенные сверкающими подвесками подсвечники из матового стекла.

У миссис Бэйрд свечи были попроще, самые обычные, но зато в изобилии и плюс три книжечки с картонными спичками. В данных обстоятельствах мне было не до изысков.

Я вставила свечу в голубой керамический подсвечник на туалетном столике при следующей вспышке молнии, потом прошлась по комнате и зажгла еще несколько свечей, пока вся комната не наполнилась мягким, мерцающим светом. Мне это казалось весьма романтичным, и я по наитию повернула выключатель, чтобы внезапно вспыхнувшее электричество не нарушило очарования в самый неподходящий момент.

Свечи не успели сгореть даже на полдюйма, как дверь распахнулась и в комнату влетел Фрэнк. Воздушный вихрь, ворвавшийся с лестницы вслед за ним, погасил разом три свечи.

Дверь захлопнулась с громким стуком, и погасли еще две; Фрэнк застыл на месте, вглядываясь в полумрак и запустив руку в растрепанные волосы. Я встала и снова зажгла свечи, попутно высказав пару замечаний по поводу столь странного способа входить в комнату. И только после этого я, повернувшись к Фрэнку, чтобы спросить, как ему понравилась выпивка, увидела, что он бледен и вообще сам не свой.

– Что случилось? – спросила я. – Ты встретил привидение?

– Да понимаешь ли, – медленно заговорил он, – я не уверен, что это не так.

С отсутствующим видом он взял мою головную щетку и собирался провести ею по волосам, но, почувствовав запах одеколона, сморщил нос, положил щетку и достал из кармана собственную расческу.

Я взглянула в окно, за которым вязы раскачивались и мотались из стороны в сторону, словно цепы на току. Где-то на другой стороне дома бился о стену отвязавшийся ставень, и мне пришло в голову, что следовало бы закрыть наши, хотя зрелище бури за окном было потрясающее.

– Немного слишком бурно для появления призраков, – сказала я. – Мне кажется, они предпочитают тихие туманные вечера на кладбищах.

Фрэнк рассмеялся несколько неуверенно.

– Не знаю, может, на меня подействовали истории, которые рассказывал Бейнбридж, да и шерри я выпил немного больше, чем хотелось бы. Наверное, все это чепуха.

Но любопытство мое разыгралось.

– Что именно ты видел? – спросила я, усаживаясь на стул возле туалетного столика. Бровями показала на бутылку виски, и Фрэнк тотчас подошел и налил себе и мне.

– Я видел всего-навсего человека, – заговорил он, отмеривая себе поменьше, а мне раза в два больше виски. – Он стоял на дорожке.

– Возле дома? – Я засмеялась. – Скорее всего, это был именно призрак, настоящему человеку вряд ли понравилось бы стоять на улице в такую погоду.

Фрэнк наклонил кувшин над своим стаканом, но вода не полилась, и он с упреком поглядел на меня.

– Нечего на меня смотреть, – сказала я. – Это ты израсходовал всю воду. Что касается меня, я охотно хлебну неразбавленного.

Я сделала глоток в порядке иллюстрации.

Фрэнк вроде бы вознамерился спуститься вниз за водой, однако отказался от этой мысли и начал рассказывать, потягивая из стакана с таким выражением, словно там был налит не самый лучший «Гленфиддиш», а по меньшей мере купорос.

– Да, он стоял в садике у забора. Я подумал… – Фрэнк запнулся и зачем-то посмотрел в стакан. – Да, так я подумал, что он смотрит на твое окно.

– На мое окно? Весьма примечательно!

Я не смогла подавить невольную дрожь и пошла закрывать ставни, хоть и с опозданием.

Фрэнк последовал за мной, продолжая рассказывать:

– Да-да, я и сам видел тебя снизу. Ты причесывалась и при этом ругалась, потому что волосы у тебя встали дыбом.

– В таком случае парню было над чем посмеяться, – заметила я.

Фрэнк покачал головой, улыбнулся и погладил меня по голове.

– Нет, он не смеялся. Наоборот, выглядел каким-то ужасно огорченным. Я не видел его лица, но поза была соответствующая. Я подошел к нему сзади и, поскольку он не двигался, спросил, не могу ли я чем-нибудь помочь. Видимо, он меня не слышал, да и немудрено в такую грозу, поэтому я повторил вопрос и собирался взять его за плечо, чтобы привлечь к себе внимание. Но прежде, чем я это сделал, он внезапно повернулся, обошел меня и зашагал вниз по дороге.

– Не слишком вежливо, но как-то… не по-призрачному, – сказала я, допив свое виски. – А как он выглядел?

– Здоровенный детина. – Фрэнк нахмурил брови. – Шотландец, одет в полном соответствии с национальной традицией, вплоть до сумки, отделанной мехом, и великолепной броши с изображением бегущего оленя, которой был заколот его плед. Я даже хотел спросить, где он ее взял, но он исчез прежде, чем я успел это сделать.

Я подошла к столу и налила себе еще виски.

– Но ведь появление шотландца в таком одеянии в этих местах вполне естественно, как ты считаешь? Я видела таких мужчин в деревне, и не раз.

– Н-н-нет, – протянул Фрэнк. – Нет, мне показалась странной не его одежда. Когда он прошел мимо меня, то… словом, он прошел очень близко и должен был бы задеть мой рукав, но этого не случилось. Я очень им заинтересовался и поэтому посмотрел ему вслед. Он шел вниз по Джирисайд-роуд, но, не дойдя до угла… исчез. Вот тут-то у меня и пробежал холодок по спине.

– Но ты мог на секунду отвлечься и не заметил, как он отступил в тень, – предположила я. – Как раз на углу улицы много густых деревьев.

– Готов поклясться, что не сводил с него глаз ни на мгновение, – пробормотал Фрэнк и вдруг встрепенулся. – Знаю! Я вспомнил теперь, почему мне все это показалось таким необычайным, хотя и не сразу осознал причину.

– И что же показалось тебе таким особенным?

Мне, признаться, уже надоел разговор о призраке, хотелось поговорить о какой-нибудь другой материи, например о постели.

– Ветер дул как бешеный, но его одежда – килт и плед – шевелились не от ветра, а только от его собственных движений, от походки, взмахов рук.

Мы уставились друг на друга.

– Да, – заговорила я, – это и в самом деле неестественно.

Фрэнк пожал плечами и засмеялся, отгоняя опасения.

– Во всяком случае, мне будет о чем поговорить с викарием при следующей встрече. Может, это хорошо известный местный призрак и викарий расскажет мне его кровавую историю. – Фрэнк посмотрел на часы. – Однако пора в постель.

– Вот именно, – промурлыкала я.

Мне было видно в зеркале, что он расстегивает рубашку, и я потянулась за вешалкой. Но рука Фрэнка остановилась на третьей пуговице.

– Скажи мне, Клэр, на твоем попечении было много раненых шотландцев? – отрывисто спросил он. – В полевом госпитале или в Пемброке?

– Конечно, – ответила я, несколько удивленная. – В полевом госпитале в Амьене были шотландцы из кланов Сифорт и Камерон, позже к нам поступили раненые из клана Гордон. Симпатичные ребята. Большинство. В целом очень стойкие, но ужасные трусы, едва речь заходила об уколах.

Я невольно улыбнулась, вспомнив одного из них.

– У нас был один, уже немолодой и любитель поворчать, волынщик из третьего клана Сифорт. Терпеть не мог, когда ему делали уколы, особенно в ягодицу. Увиливал как мог целыми часами, прежде чем удавалось приблизиться к нему с иглой, но и тогда начинал упрашивать, чтобы укол сделали в руку. Он мне говорил: «Если уж мне приходится лечь ничком с голой задницей, то я предпочитаю, чтобы девушка была подо мной, а не позади меня, да еще с такой вот шляпной булавкой в руке».

Фрэнк улыбнулся, но был явно смущен, как это часто случалось после моих грубоватых военных историй.

– Не беспокойся, – заверила я, заметив его смущение, – рассказывать об этом в общей гостиной для старшекурсников я не стану.

Улыбка сделалась свободнее и яснее, он подошел к туалетному столику и остановился у меня за спиной. Поцеловал в макушку.

– Ты тоже не беспокойся, – сказал он. – Гостиная для старшекурсников отдаст тебе должное, ты завоюешь всеобщую любовь независимо от того, какие истории будешь рассказывать. Ммм, как чудесно пахнут твои волосы.

– Тебе нравится?

Руки Фрэнка скользнули по моим плечам и замерли у меня на груди под тонкой ночной рубашкой. Его лицо отражалось в зеркале, подбородок прижат к моей макушке.

– Мне нравится все, что связано с тобой, – сказал он тихо и чуть хрипловато. – При свечах ты выглядишь восхитительно. Глаза словно вишни в хрустальном бокале и кожа цвета слоновой кости. Ты ведьма огня свечей. Надо совсем отключить электрическое освещение, как ты думаешь?

– Тогда будет трудно читать в постели, – ответила я, а сердце забилось сильно-сильно.

– Я бы предпочел заниматься в постели совсем другими вещами, – пробормотал он.

– В самом деле? – Я встала и обняла его за шею. – Какими же, например?

Потом, когда мы лежали, тесно прижавшись друг к другу при закрытых ставнях, я подняла голову с его плеча и спросила:

– Почему ты заговорил со мной об этом? О том, должна ли я была ухаживать в госпитале за шотландцами. Ты же знаешь, что должна была, ведь в госпиталь попадают самые разные люди.

Он пошевелился и мягко провел рукой по моей спине.

– Н-ну-у, как тебе сказать? Да просто так. Знаешь, когда я увидел этого шотландца на улице, мне пришло в голову, что, может быть… – Он запнулся в явном затруднении. – Ну, понимаешь, вдруг это твой бывший пациент… узнал от кого-то, что ты здесь, приехал повидать тебя… что-нибудь в этом роде.

– В таком случае почему бы ему не войти в дом и не спросить обо мне?

– Может, он не хотел наткнуться на меня, – ответил Фрэнк нарочито небрежным тоном.

Я приподнялась, оперлась на локоть и посмотрела ему в лицо. Мы оставили гореть одну свечу, и я достаточно хорошо видела его. Он отвернулся и с внезапно вспыхнувшим интересом принялся разглядывать хромолитографию с портретом Красавчика принца Чарли, которая по воле миссис Бэйрд украшала стену нашей комнаты.

Я ухватила его за подбородок и повернула лицом к себе. Он широко раскрыл глаза в притворном изумлении.

– Уж не предполагаешь ли ты, – начала я, – что человек, которого ты видел на улице, это… это…

Я не могла найти нужного слова.

– Любовная связь? – попытался помочь мне Фрэнк.

– Некто, проявляющий ко мне романтический интерес? – закончила я.

– Нет-нет, конечно же нет, – сказал Фрэнк неуверенно.

Он снял мои руки со своего подбородка и попытался меня поцеловать, но на этот раз была моя очередь отворачиваться. Он сел и уложил меня рядом с собой.

– Это просто… – начал он. – Ну хорошо, пойми, Клэр, прошло шесть лет. Мы встречались друг с другом только три раза, причем в последний раз всего на один день. Ничего удивительного, если бы… то есть я имею в виду, что военные врачи и медсестры постоянно испытывают стрессы в критических обстоятельствах… Я бы понял, если бы что-то вполне естественное…

Я прекратила этот поток бессвязных слов, высвободившись и соскочив с постели.

– Ты считаешь, что я была тебе неверна? – выкрикнула я. – Ты так считаешь? Если это так, убирайся из этой комнаты сию минуту! Оставь этот дом! Как ты смеешь думать о чем-то подобном?

Я кипела негодованием. Фрэнк, сидя на кровати, протянул ко мне руки, пытаясь успокоить меня.

– Не прикасайся ко мне! – вопила я. – Отвечай: думаешь ли ты на том основании, что увидел возле дома какого-то типа, глядящего на мое окно, будто я заводила любовные интрижки со своими пациентами?

Фрэнк встал с постели и обхватил меня обеими руками. Я застыла на манер жены Лота, но он гладил меня по голове, гладил осторожно и нежно по плечам – он знал, что это мне нравится.

– Нет, я не думаю ничего подобного, – твердо сказал он.

Он прижал меня к себе еще крепче, и я постепенно расслабилась, но не настолько, чтобы самой обнять его.

Так мы стояли долго, и наконец он тихонько заговорил мне в ухо:

– Нет, я не думаю, что ты способна на подобную вещь, я только хотел сказать, что, если бы такое и случилось… Клэр, для меня это не имело бы значения. Я так тебя люблю! Что бы ты ни сделала, я не перестану любить тебя.

Он взял мое лицо в ладони – выше меня всего на четыре дюйма, он легко мог заглянуть мне прямо в глаза – и сказал нежно:

– Ты простишь меня?

Я чувствовала на своем лице его теплое дыхание, оно еще слегка отдавало «Гленфиддишем», а его губы, полные и зовущие, находились в опасной близости.

Новая вспышка молнии возвестила неожиданное возвращение утихшей было грозы, и шумный дождь застучал по шиферной крыше.

Я медленно обвила руками Фрэнка.

– «Насильно милосердья не добиться, – процитировала я, – оно должно росой с небес пролиться».

Фрэнк засмеялся и поднял взгляд к потолку: расползавшиеся по нему мокрые пятна не сулили нам ночлега во вполне сухой постели.

– Если это образчик твоего милосердия, – сказал Фрэнк, – то я не хотел бы познакомиться с твоим отмщением.

Словно в ответ на его слова ударил пушечный раскат грома, и мы оба от души расхохотались.

Только позже, гораздо позже, лежа и слушая ровное дыхание Фрэнка, я задумалась о нашем разговоре. Я сказала ему правду: меня нельзя было упрекнуть в неверности. Меня. Но ведь шесть лет, как он сказал, очень долгий срок.

Глава 2. Каменные столбы

Мистер Крук позвонил в дверь, как и было условлено, ровно в семь часов утра.

– Ну что, соберем росу с лютиков, юная леди? – произнес он и подмигнул с некоей стариковской галантностью.

Приехал он на мотоцикле, чем-то похожем на него самого; на этом мотоцикле мы должны были добраться до нужного места за деревней. Сетки для гербария были аккуратно укреплены по обеим сторонам чудовищного драндулета, словно амортизаторы на буксирном судне. Мы двинулись в путь не столь уж стремительно по мирной и тихой сельской местности, которая казалась еще более тихой по контрасту с грохотом нашего средства передвижения; этот грохот внезапно оборвался – и тишина обступила нас. Мистер Крук и в самом деле очень много знал о местных растениях. И не только о том, где их найти, но и об их медицинском применении, о том, как готовить эти препараты. Я пожалела, что не приобрела записную книжку, в которую можно было бы записывать сведения, и с особым вниманием слушала объяснения старика, стараясь все запомнить, пока укладывала образцы растений в тяжелые гербарные сетки.

Мы остановились перекусить у подножия странного по очертаниям холма с плоской вершиной. Зеленый, как и все окрестные холмы, с такими же выступами и утесами, он все же имел от них отличие: вверх по склону шла хорошо протоптанная тропа и исчезала за обнаженным выходом гранита.

– Что там наверху? – спросила я, показав на вершину холма рукой, в которой был зажат сэндвич с ветчиной.

– А! – Мистер Крук поднял голову и посмотрел на холм. – Это Крэг-на-Дун, девушка. Я собирался показать вам его после нашей трапезы.

– Правда? Это что-нибудь особенное?

– Да, – коротко ответил он и отказался обсуждать вопрос: мол, сами увидите.

У меня были некоторые опасения по поводу того, сможет ли он подняться по такой крутизне, однако они рассеялись, когда я обнаружила, что с трудом поспеваю за ним. Мистер Крук, поднявшись сам, протянул мне свою корявую руку и втащил меня на площадку.

– Ну вот, смотрите, – сказал он с жестом собственника некоей достопримечательности.

– Ой, да это же хендж[5]! – в восторге воскликнула я. – Хендж в миниатюре.

В Солсбери я не была уже много лет – из-за войны, но мы с Фрэнком побывали в Стоунхендже вскоре после нашей свадьбы. Как и другие туристы, мы бродили между огромными каменными столбами в благоговейном восхищении, таращили глаза на каменный алтарь (где жрецы-друиды приносили ужасающие человеческие жертвы, как объявил, гнусавя и глотая слова на манер истого кокни, гид, приехавший с автобусом туристов-итальянцев, добросовестно фотографирующих самый обычный на вид каменный блок).

Из той же самой страсти к точности, которая заставляла Фрэнка вешать свои галстуки на вешалку таким образом, чтобы их концы совпадали тютелька в тютельку, мы обошли все сооружение по окружности, измерили расстояния между отверстиями «зет» и «игрек» и сосчитали проемы в «сарацинском кругу», самом удаленном от центра кольце великанских столбов.

Три часа спустя мы уже знали, сколько там отверстий «зет» и «игрек» (пятьдесят девять, если вас это волнует, меня – нет), но имели не больше представления о назначении

[5] Хендж – вид ритуальных памятников, встречающихся только на Британских островах. Самый знаменитый из них – Стоунхендж, всемирно известный памятник начала II тысячелетия до н. э., происхождение и предназначение которого обсуждается учеными в течение столетий.

всего сооружения, чем десятки любителей и археологов-профессионалов, ползавших вокруг него целых пятьсот лет.

Недостатка в гипотезах нет, что и говорить. Жизнь среди ученых со всей очевидностью показала мне, что хорошо сформулированная гипотеза куда лучше, нежели плохо описанный факт.

Замок. Место захоронения. Астрономическая обсерватория. Место казни (в качестве плахи – так называемый «Камень крови», наполовину ушедший в землю). Рынок на открытом воздухе. Мне больше всего нравится последняя гипотеза: так и вижу перед собой мегалитических домохозяек, которые крутятся между проемами с корзинками на руках, критически обсуждая качество вновь доставленных на рынок чаш и мисок из красной глазурованной глины и недоверчиво прислушиваясь к похвалам своему товару, которые выкрикивают пекари, торговцы олениной и янтарными бусами.

Единственным убедительным возражением против этой гипотезы мне кажется наличие захоронений под алтарным камнем и кремированных останков в отверстиях «зет». Хоронить покойников на рыночной площади как-то негигиенично, разве что это злополучные останки торговцев, уличенных в обмане покупателей.

В миниатюрном хендже на холме следов захоронений не видно. Собственно говоря, «миниатюрны» здешние каменные столбы лишь по сравнению со Стоунхенджем, но сами по себе они достаточно массивны, а высотой в два моих роста.

Я слышала от другого гида в Стоунхендже, что такие сооружения – их именуют кромлехами – распространены повсеместно в Британии и в Европе вообще. Одни сохранились лучше, другие хуже, есть между ними разница в ориентации и расположении элементов, но назначение их не определено в равной степени. И происхождение тоже.

Пока я бродила между столбами, мистер Крук стоял, наблюдал за мной и загадочно улыбался; время от времени я останавливалась, чтобы прикоснуться к камню – осторожно, как будто мое прикосновение могло оказаться чувствительным для этих монументов.

На некоторых стоячих камнях были какие-то тусклые темноватые полосы и пятна. На других поблескивали включения слюды, весело отражавшие лучи утреннего солнца. И все они резко отличались от местного камня, от местных пород, образцы которых валялись и торчали из травы повсюду. Кто бы ни установил эти круги из каменных столбов и по какой бы причине это ни было сделано, создатели считали дело достаточно важным, чтобы вырубить, обработать и перевезти каменные блоки в соответствующее место и водрузить их во имя своей цели. Обработать – как? Перевезти – каким образом и с какого невообразимого расстояния?

– Мой муж придет в восторг, – сказала я мистеру Круку, остановившись поблагодарить его за то, что он показал мне это место и рассказал о растениях. – Я привезу его сюда попозже.

У начала спуска старик любезно предложил мне помочь и протянул руку. Я приняла ее: глянув вниз, я подумала, что, несмотря на возраст, этот сгорбленный травник держится на ногах покрепче моего.

Во второй половине дня я свернула на дорогу к деревне – надо было извлечь Фрэнка из дома викария. Я с наслаждением вдыхала воздух горной Шотландии, запахи вереска, шалфея и ракитника, крепко сдобренные дымком из труб и приправленные острым духом жареной селедки в тех местах, где я проходила мимо разбросанных в художественном беспорядке коттеджей. Деревня угнездилась на небольшом пологом склоне у подножия одного из утесов, которые вздымаются ввысь из шотландских торфяников. О послевоенном процветании свидетельствовала свежая окраска домов, и даже обиталище священника принарядилось: окна в старых покоробившихся рамах обведены были светлой желтой полосой.

Дом был выстроен по меньшей мере столетие назад. Дверь мне открыла экономка викария, высокая, вытянутая в струнку женщина с тремя нитками искусственного жемчуга вокруг шеи. Узнав, кто я такая, она приветливо поздоровалась и повела меня через узкую, длинную и темную прихожую, стены которой были увешаны гравированными портретами людей, мне неизвестных: то ли это были некие исторические личности, знаменитые в свое время, то ли близкие родственники нынешнего викария, то ли члены королевской семьи, – в сумраке лица их были вообще неразличимы.

В отличие от прихожей кабинет являл собой истинное царство света благодаря огромным, почти от пола до потолка, окнам в одной из стен. Мольберт возле камина, на котором стоял неоконченный этюд маслом, изображающий черные скалы на фоне вечернего неба, объяснял происхождение этих окон, пробитых явно намного позже, чем был выстроен дом.

Фрэнк и коротенький, толстенький викарий в высоком клерикальном воротнике самозабвенно углубились в изучение целой груды каких-то старых бумаг на столе возле дальней стены. Фрэнк еле кивнул, увидев меня, но священник оторвался от своего увлекательного занятия и поспешил протянуть руку, сияя радушием.

– Миссис Рэндолл! – обратился он ко мне, раскачивая мою руку с самым сердечным выражением лица. – Как приятно снова видеть вас. Вы пришли как раз вовремя, чтобы услышать новости.

– Новости?

Я бросила беглый взгляд на стол с бумагами. Судя по тому, какие они были замызганные, а также по характеру букв, новости относились где-то к 1750 году. Отнюдь не свежие газетные сообщения.

– Да, вот именно! Мы обнаружили имя предка вашего супруга, вы, наверное, помните это имя, его звали Джек Рэндолл, так вот мы его нашли в армейских списках того времени.

Викарий наклонился ко мне поближе и заговорил, скривив рот на сторону, ни дать ни взять – гангстер из американского фильма.

– Я, представьте себе, позаимствовал подлинные документы из архива местного исторического общества. Прошу вас, не проговоритесь никому об этом.

Я охотно пообещала ему не выдавать эту ужасную тайну и поискала глазами стул поудобнее, сидя на котором я могла бы воспринять последние сведения двухсотлетней давности. Глубокое кресло у окна показалось мне подходящим, но когда я хотела пододвинуть его к столу, то обнаружила, что оно уже занято. Маленький мальчик с копной блестящих черных волос крепко спал в кресле, свернувшись клубочком.

– Роджер!

Викарий подошел помочь мне и был удивлен не меньше моего. Мальчик, внезапно разбуженный, вскочил и широко раскрыл темно-карие глаза.

– Как ты сюда попал, разбойник этакий! – с притворным негодованием воскликнул священник. – Ах вот оно что! Заснул за своими комиксами!

Он сгреб пестро раскрашенные листки и вручил их мальчугану.

– Беги сейчас же к себе, у меня дела с мистером и миссис Рэндолл. Подожди, я забыл тебя представить. Миссис Рэндолл, это мой сын Роджер.

Я, признаться, была удивлена. Достопочтенный мистер Уэйкфилд как бы являл для меня законченный образец закоренелого старого холостяка. Но я тепло пожала вежливо протянутую мне руку и удержалась от невольного желания вытереть свою о платье – ладошка мальчика была влажной от пота.

Достопочтенный Уэйкфилд проводил Роджера любящим взглядом.

– На самом деле это сын моей племянницы, – сказал он, когда ребенок скрылся за дверью. – Отец убит на Ла-Манше, мать погибла во время бомбежки. А я взял ребенка к себе.

– Это очень великодушно, – пробормотала я, тотчас вспомнив дядю Лэма.

Дядя тоже погиб во время бомбежки. Бомба попала в аудиторию Британского музея как раз во время его лекции. Зная его так, как знала я, полагаю, можно считать, что он был бы счастлив осознать перед смертью: крыло, где хранились персидские древности, уцелело.

– Ничуть не бывало, вот уж нисколько! – замахал руками викарий. – Я очень рад, что в доме поселилось юное существо. Но садитесь, прошу вас!

Фрэнк заговорил прежде, чем я поставила на пол свою сумку.

– Это просто необыкновенная удача, Клэр, – с восторгом заявил он, перелистывая при помощи указательного пальца пачку листов с загнутыми уголками. – Викарий обнаружил целые серии военных донесений, в которых упоминается имя Джека Рэндолла.

– Значительное их число принадлежит самому капитану Рэндоллу, – заметил викарий, забирая у Фрэнка несколько листков. – Примерно четыре года он находился в составе гарнизона Форт-Уильяма и, кажется, достаточно много времени проводил, докучая шотландцам, приверженцам английской короны. Вот это вот, – он бережно отделил пачку листков и положил на стол, – жалобы на капитана со стороны различных семей и отдельных владетелей поместий, обвиняющих его во многих преступлениях, начиная от… э-э-э… нежелательного поведения солдат по отношению к женской прислуге и кончая уводом лошадей, о более мелких обидах уж и говорить не приходится. Меня все это позабавило.

– Значит, среди твоих предков затесалась пресловутая паршивая овца? – обратилась я к Фрэнку.

Он только плечами передернул, ничуть не обеспокоенный.

– Он был таким, каким был, с этим ничего не поделаешь. Но я хочу понять одно. Подобные жалобы – дело самое обычное, особенно для того времени: англичане, прежде всего военные, были исключительно непопулярны в тогдашней горной Шотландии. Удивительно другое: все эти жалобы на Рэндолла оставались без последствий, даже самые серьезные.

Викарий, не в состоянии долее сдерживаться, вмешался:

– Совершенно верно! Офицеров той поры никак нельзя мерить по современным стандартам, они могли позволить себе многое. Но это и в самом деле странно: жалобы не только не расследовались с вынесением последующих решений, они просто больше нигде не упоминались. Знаете, что я предполагаю, Рэндолл? У вашего предка был могущественный покровитель. Человек, который мог надежно защитить его от преследования непосредственных начальников.

Фрэнк, скосив глаза на бумаги, задумчиво поскреб в затылке.

– Вы, вероятно, правы. И это должен быть весьма влиятельный человек. Может, какая-нибудь шишка в армейской иерархии или представитель высшей знати.

– А возможно…

Викарий был вынужден прервать свою речь, так как в комнату вошла экономка, миссис Грэхем.

– Предлагаю вам немножко подкрепиться, джентльмены, – сказала она и уверенным движением водрузила на письменный стол чайный поднос.

Викарий с молниеносной быстротой подхватил со стола свои бесценные документы. Миссис Грэхем посмотрела на меня острым, оценивающим взглядом подвижных, блестящих, словно глазурь на фарфоре, слегка прищуренных глаз.

– Я принесла только две чашки, потому что подумала, может, миссис Рэндолл присоединится ко мне в кухне. У меня там немного…

Я не дала ей закончить и поспешно вскочила с кресла с полной готовностью принять ее предложение. Мы еще не успели закрыть дверь в кухню, а теоретические споры уже возобновились.

Чай был горячий и ароматный, в нем кружились распаренные чайные листочки.

– Ммм, – произнесла я, поставив на стол чашку, – я так давно не пробовала улонга[6].

Миссис Грэхем кивнула с сияющей улыбкой, радуясь тому, что я оценила ее усилия сделать мне приятное. Под каждую тонкую фарфоровую чашку была подложена салфеточка из кружев ручной работы, к чаю поданы булочки и сливки с толстой пенкой.

– Во время войны купить такой чай было невозможно, – сказала миссис Грэхем. – А ведь это самый лучший чай для заварки. Ужасно было пить так долго один только «Эрл Грей»! Листочки так быстро оседают на дно чайника, что на них не погадаешь.

– Вы умеете гадать по чаинкам? – спросила я полушутя.

Миссис Грэхем с ее коротким, серо-стального цвета аккуратным перманентом и тремя нитками поддельного жемчуга на шее меньше всего можно было принять за типичный образец цыганки-предсказательницы. Когда она делала глоток чая, видно было, как он проходит вниз по тонкой стройной шее и скрывается под мерцающими бусами.

– Конечно же, умею, дорогая моя. Меня научила моя бабушка, а ее точно так же научила ее бабушка. Допивайте вашу чашку, и я посмотрю, что там у вас.

Она очень долго молча разглядывала мою чашку, то подставляя ее поближе к свету, то поворачивая медленно-медленно между длинными пальцами и отыскивая нужный угол.

Потом миссис Грэхем поставила чашку на стол так осторожно, словно боялась, что она взорвется у нее в руке. Морщины по обеим сторонам рта обозначились резче, брови сдвинулись в одну линию – она выглядела удивленной не на шутку.

– Ну, – произнесла она наконец, – картина на редкость странная.

– Вот как? – Я все еще забавлялась, но вместе с тем мне было любопытно. – Неужели мне встретится незнакомый брюнет или, чего доброго, предстоит переплыть океан?

– Возможно. – Миссис Грэхем приняла мой иронический тон и говорила с легкой усмешкой. – А возможно, что и нет. Именно это и кажется мне таким странным, дорогая. Все в противоречиях. Вот этот свернутый листик предрекает путешествие, но на нем лежит разорванный, который это отрицает. Незнакомцев даже несколько, причем один из них – ваш муж, если я правильно поняла расположение листочков.

Мое шутливое настроение совсем улетучилось. Шесть лет мы с мужем провели в разлуке и только полгода вместе, он, разумеется, во многом продолжал оставаться для меня незнакомцем… но каким образом об этом стало известно чайному листочку?

Брови миссис Грэхем были все еще сдвинуты.

– Разрешите мне взглянуть на вашу руку, детка, – попросила она.

Рука, в которую она взяла мою, была худая, но удивительно теплая. От склонившейся над моей ладонью аккуратно причесанной седой головы шел запах лаванды. Она изучала мою ладонь долго, время от времени проводя пальцем по какой-нибудь линии, словно разглядывала карту, на которой изображенные дороги уходили в болота или терялись в пустыне.

– Ну как? – не вытерпела я. – Неужели судьба моя столь ужасна, что о ней не стоит рассказывать?

Миссис Грэхем подняла глаза, полные лукавой насмешки, вгляделась в мое лицо, но все-таки не отпустила руку. Покачала головой, поджав губы.

– Нет, моя дорогая, судьба ваша не написана у вас на ладони. Только ее семена. – Похожая на птичью голова склонилась набок в размышлении. – Линии на вашей руке, понимаете ли, меняются. В иное время вашей жизни они могут стать совершенно другими, нежели сейчас.

– Я об этом не знала. Я считала, что с ними рождаешься, и все. – Я с трудом подавила желание вырвать свою руку у миссис Грэхем. – В чем же тогда суть чтения ладони?

---

[6] Улонг – особый сорт черного китайского чая.

Я не хотела быть грубой, однако изучение моей руки казалось мне сейчас неуместным, особенно после гадания на чайных листьях. Миссис Грэхем неожиданно улыбнулась и соединила мои пальцы над ладонью.

– Видите ли, дорогая, линии на вашей руке показывают, что вы за человек. Потому они и меняются – или должны меняться. У некоторых людей изменений не происходит, и такие люди по-своему несчастны. Но их немного. – Она слегка пожала мой кулачок и похлопала по нему другой своей рукой. – Сомневаюсь, что вы относитесь к их числу. На вашей ладони много изменений, несмотря на вашу молодость. Но тут война сыграла свою роль.

Последние слова она произнесла как бы про себя.

Мне снова стало интересно, и я раскрыла ладонь по своей воле.

– Ну и что же я такое, если судить по руке?

Миссис Грэхем сделалась серьезной, но не взяла мою руку.

– Не могу вам это объяснить вполне точно. Как ни странно, руки похожи одна на другую. Я совсем не собираюсь утверждать, что, увидев и изучив одну, вы тем самым знаете все. Но существуют, как бы вам сказать, определенные типы.

Миссис Грэхем опять улыбнулась на удивление обаятельной улыбкой, открыв два ряда безупречно белых искусственных зубов.

– Ведь как работают гадалки, предсказательницы судьбы? Я сама этим занимаюсь по престольным праздникам, то есть занималась до войны. Возможно, теперь начну снова. Девица входит в палатку, а в палатке сижу я в тюрбане с петушиным пером, позаимствованным у мистера Доналдсона, и в пышном восточном одеянии, то бишь в желтом халатике викария, желтом, как солнышко, а на этом солнечном фоне – петушки, петушки, петушки. Прикидываясь, что смотрю на ладонь, я на самом деле разглядываю девицу и вижу – разрез у нее на блузке чуть ли не до пупа, она благоухает дешевыми духами, а серьги свисают до самых плеч. Мне уже не нужно заглядывать в хрустальный шар, чтобы сообщить ей, что у нее будет ребенок к церковному празднику на следующий год.

В глазах у миссис Грэхем промелькнуло злое выражение.

– И хотя на руке, которую вы держите, ничего подобного не написано, – продолжала она, – уместно предсказать ей, что она скоро выйдет замуж.

Я засмеялась, засмеялась и миссис Грэхем.

– Значит, вы вообще не смотрите им на ладони? – спросила я. – Разве что проверяете, нет ли обручального кольца?

Она удивилась.

– Да нет, смотрю, конечно. Просто, как правило, заранее знаешь, что ты там найдешь.

Она бросила взгляд на мою открытую ладонь.

– Сейчас передо мной совсем другая картина. Большой палец крупный. – Она слегка дотронулась до него, склонившись вперед. – Это значит, что вы женщина умная, энергичная и вас нелегко в чем-то убедить. Думаю, ваш муж говорил вам об этом. И еще кое о чем.

Она показала на бугорок у основания большого пальца.

– Что же это?

– Это так называемый бугор Венеры. – Она чопорно поджала тонкие губы, но уголки их неудержимо поднимались вверх. – На руке мужчины подобный бугор означал бы, что мужчина этот чрезвычайно женолюбив. С женщинами дело немножко иное. Как бы выразиться поделикатнее… сделать вам маленькое предсказание, что мужу вашему не стоит слишком удаляться от вашей постели.

Совершенно неожиданно для меня она издала скабрезный смешок, а я покраснела.

Пожилая домоправительница снова склонилась над моей ладонью, внимательно рассматривая ее и проводя пальцем по тем линиям, о которых она говорила.

– Линия жизни хорошо обозначена. Здоровье у вас отменное, и ухудшения не предвидится. На линии жизни заметен перерыв, это значит, что она резко изменилась, я имею в виду вашу жизнь. Впрочем, то же произошло со всеми нами, не так ли? Однако на вашей линии жизни гораздо больше пересечений, нежели я привыкла видеть, она как бы вся составлена из кусочков, отрывков. А линия брака, – она покачала головой, – раздваивается. В этом тоже нет ничего не обычного, – два замужества.

Моей первой реакцией на это утверждение было возмущение, но я его тут же подавила. Тем не менее миссис Грэхем уловила его и подняла на меня глаза. Я вдруг подумала, что она и в самом деле весьма проницательная предсказательница. Успокаивая меня, она снова покачала седой головой.

– Нет-нет, милочка, с вашим славным мужем ничего худого не произойдет. Дело совсем не в том.

Она слегка пожала мою руку.

– Вам отнюдь не предстоит зачахнуть и провести остаток жизни в скорби. Это всего лишь означает, что вы из тех, кто способен полюбить снова, если первая любовь уйдет.

Она еще раз пригляделась поближе к моей ладони и провела коротким ребристым ногтем по линии брака.

– Большинство раздвоенных линий обрывается, но на вашей вилка. – У нее на губах появилась озорная усмешка. – Надеюсь, вы не двумужница?

Я рассмеялась:

– Куда там! Времени не хватило бы.

Я повернула руку таким образом, чтобы миссис Грэхем было видно ребро ладони.

– Я слышала, будто маленькие черточки вот здесь показывают, сколько у вас будет детей. Это правда? – спросила я как можно более небрежным тоном – край моей ладони был безнадежно гладок.

Миссис Грэхем отмахнулась от этой идеи пренебрежительным жестом.

– Фу! Линии здесь появляются уже после того, как вы родите парочку ребятишек. Предварительных указаний не бывает. Скорее на носу их обнаружите, чем на руке.

– В самом деле?

Я совсем по-дурацки обрадовалась и собиралась было спросить, не означают ли глубокие линии у меня на запястье склонности к самоубийству, но нас прервали.

Достопочтенный Уэйкфилд вошел в кухню с пустыми чашками, поставил их на поднос и принялся шумно и неуклюже рыться в буфете, явно в расчете на помощь.

Миссис Грэхем вскочила на ноги, готовая защитить свое святилище – кухню. Ловко отодвинула достопочтенного в сторону и принялась устанавливать на подносе все необходимое для продолжения чаепития в кабинете. Меня она тоже потеснила с дороги на безопасное расстояние.

– Миссис Рэндолл, почему бы вам не вернуться в кабинет и не выпить еще чашечку чая вместе со мной и вашим мужем? Мы с ним сделали поистине замечательные открытия.

Было очевидно, что, несмотря на внешнее самообладание, в душе он ликует при мысли о своем открытии не менее, чем мальчуган, у которого в кармане жаба. Разумеется, я обязана была пойти и познакомиться со счетом капитану Джонатану Рэндоллу от его прачки или сапожника или с другими не менее замечательными документами.

Фрэнк настолько погрузился в изучение затрепанных бумажек, что едва ли обратил внимание на мое появление в кабинете. Он весьма неохотно передал бумаги в пухлые ручки викария, встал у него за спиной и уставился через плечо достопочтенного Уэйкфилда в текст, словно не мог оторваться от него ни на минуту.

– Да? – заговорила я самым любезным тоном, дотронувшись до листков. – Да-а, очень, очень интересно.

На самом деле я бы ни при каких обстоятельствах не смогла расшифровать записи, сделанные неразборчивым почерком и сильно выцветшие. На одном из документов, сохранившемся лучше других, сверху был изображен какой-то герб.

– Герцог… кажется, герцог Сандрингем, верно? – спросила я, глядя на изображение лежащего леопарда с надписью под ним, более четкой и разборчивой, чем остальной текст.

– Вот именно, – ликуя, подтвердил викарий. – Вымерший титул, как вы знаете.

Я не знала, но кивнула с умным видом, демонстрируя свою причастность к историкам в момент захватывающего открытия. В таких случаях редко требуется нечто большее, нежели время от времени произносить с определенными интервалами: «В самом деле?» или: «Но это же совершенно замечательно!» – и кивать.

Они некоторое время спорили, кому принадлежит право посвятить меня в суть дела, и право это, вернее, как он выразился, высокая честь досталась викарию. Как выяснилось, весь этот шум поднялся вот по какому поводу: пресловутый Черный Джек Рэндолл был не просто блестящим воином английской королевской армии, но доверенным – и тайным – агентом герцога Сандрингема.

– Скорее всего, агент-провокатор, не так ли, доктор Рэндолл?

Викарий грациозным жестом перебросил мяч Фрэнку, который его немедленно подхватил.

– Да, пожалуй… Язык, конечно, весьма осторожный…

– В самом деле? – вставила я словечко.

– Но во всяком случае ясно, что Джонатану Рэндоллу была поручена работа определенного характера: выявлять якобитские симпатии среди наиболее известных фамилий в этом районе Шотландии. Действовать так, чтобы тайные чувства и намерения баронетов и вождей кланов делались очевидными. Но тут есть одна странность. Разве сам Сандрингем не был на подозрении как якобит?

Фрэнк повернулся к викарию, всем своим видом выражая недоумение. Лицо священника отразило это недоумение, как в зеркале, гладкий лысый лоб собрался в морщины.

– О да, я полагаю, вы правы. Подождите-ка, давайте заглянем в Камерона. – Он кинулся к книжной полке, уставленной переплетенными в кожу томами. – Он, несомненно, упоминает о Сандрингеме.

– Это просто замечательно, – пробормотала я, но в это время мое внимание привлек огромный, занимавший чуть ли не всю стену от пола до потолка стенд с пробковым покрытием.

На стенде были размещены самые разные вещи, главным образом бумаги: счета за газ, заметки, сделанные рукой самого викария, газетные вырезки, послания епархиального совета, вырванные из книг страницы. Но были там и некоторые мелкие предметы, например ключи, крышечки от бутылок и, кажется, даже какие-то детали от автомобиля, закрепленные при помощи гвоздей и клейкой ленты.

Я лениво разглядывала эту странную смесь, вполуха прислушиваясь к дискуссии у себя за спиной. (Герцог Сандрингем был-таки якобитом, решили они.) Но тут я увидела генеалогическую хартию, прикрепленную отдельно на стене четырьмя кнопками за уголки. Верхняя ее часть включала имена, относящиеся к началу семнадцатого столетия, но меня больше заинтересовало имя, написанное в самом низу: Роджер У. (Маккензи) Уэйкфилд.

– Извините меня, – вмешалась я в завершающую часть диспута о том, что держит в лапе леопард на гербе герцога – лилию или крокус. – Это генеалогия вашего сына?

– А? О да, да, конечно!

Викарий, просияв еще раз, поспешил подойти ко мне. Он осторожно снял хартию со стены и положил ее на стол прямо передо мной.

– Я не хочу, чтобы он забывал свою семью, – объяснил он. – Генеалогия старинная, восходит к шестнадцатому веку.

Толстым указательным пальцем он провел линию снизу вверх почти с благоговением.

– Я дал мальчику свое имя, это удобнее, поскольку он живет здесь, но я не хотел, чтобы он забыл свое происхождение. Боюсь, что моей собственной семье в этом отношении особенно нечем гордиться.

На лице викария появилось виноватое выражение.

– Все больше викарии да помощники приходского священника, затесался для разнообразия один книготорговец, вот и все. Проследить генеалогию удается примерно до тысяча семьсот шестьдесят второго года. Чрезвычайно скудные записи, мало документов, – покачал он головой, явно сожалея о генеалогической беспечности своих предков.

Мы очень поздно ушли от викария; он пообещал, что завтра первым долгом отправит письма в город, чтобы их скопировали. Большую часть пути до дома миссис Бэйрд Фрэнк что-то упоенно лопотал о шпионах и якобитах, но в конце концов обратил внимание на то, что я почти все время молчу.

– Что с тобой, любимая? – спросил он, заботливо взяв меня за руку. – Тебе нездоровится?

В голосе у него прозвучало беспокойство, смешанное с надеждой.

– Нет, я чувствую себя вполне хорошо. Я просто думала… – Я запнулась, вспомнив, что мы уже обсуждали эту проблему. – Я думала о Роджере.

– О Роджере?

Я нетерпеливо вздохнула.

– Господи, Фрэнк! Ну можно ли быть таким забывчивым? О Роджере, сыне достопочтенного Уэйкфилда.

– Ах да, конечно, – сказал Фрэнк с отсутствующим видом. – Милый ребенок. Ну и что с ним такое?

– Да ничего… просто сейчас очень много подобных детей. Я имею в виду – сирот.

Теперь взгляд у Фрэнка был уже не отсутствующий, но острый и резкий. Он покачал головой.

– Нет, Клэр. Ты знаешь, я хотел бы ребенка, но я тебе говорил, как отношусь к усыновлению. Это… ну, словом, я не смогу считать своим ребенка, который… не моей крови. Это, без сомнения, смешно и даже эгоистично с моей стороны, но так обстоит дело. Может, со временем я изменю свою точку зрения, но сейчас…

Некоторое время мы шли рядом в неприязненном молчании. Потом Фрэнк вдруг повернулся ко мне и взял мои руки в свои.

– Клэр, – заговорил он негромко и хрипловато, – я хочу нашего ребенка. Важнее тебя для меня нет ничего в мире. Я прежде всего хочу, чтобы ты была счастлива, и в то же время хочу сохранить тебя для себя. Чужой ребенок, с которым у нас нет никаких связей, будет казаться мне пришельцем из иного мира, захватчиком, это для меня нетерпимо. Зачать в тебе ребенка, видеть, как он в тебе растет, как он родится… это для меня значит даже больше, чем только видеть в нем твое подобие… и мое тоже. Подлинная частица семьи.

Глаза у него сделались большие и умоляющие.

– Да, ты прав. Я поняла.

Мне хотелось оставить эту тему, по крайней мере сейчас. Я двинулась дальше по дороге, но Фрэнк догнал меня и обнял:

– Клэр, я люблю тебя.

Он произнес это с такой покоряющей искренностью, что я невольно опустила голову ему на грудь, ощутив тепло его тела и силу обнимающих меня рук.

– Я тоже люблю тебя.

Мы немного постояли так на ветру, который потягивал вдоль дороги. Внезапно Фрэнк откинулся назад и с улыбкой посмотрел на меня.

– Кроме того, – шепотом проговорил он, мягким движением ладони отведя назад волосы с моего лица, – мы еще могли бы над этим поработать, верно?

– Разумеется, – улыбнулась и я.

Он взял меня под руку и крепко прижал ее локтем к своему боку.

– Ну так сделаем еще попытку?

– Конечно. Почему бы и нет?

Мы двинулись, рука в руке, по Джирисайд-роуд. И когда я увидела Бара Мор, пиктский камень на углу улицы, я вспомнила о других древних камнях.

– Я совсем забыла! – воскликнула я. – Должна показать тебе нечто необыкновенное.

Фрэнк опустил на меня глаза и, стиснув мою руку, прижал крепче к себе.

– Я тоже, – сказал он, улыбаясь. – Ты свое чудо покажешь мне завтра.

Но на следующее утро нам пришлось заниматься другими делами. Я забыла, что мы на этот день запланировали поездку в Грейт-Глен, на Лох-Несс.

Поездка достаточно долгая, и мы выехали рано, до рассвета. Утро выдалось холодное, и после пробежки к ожидающей нас машине было так славно укрыться пледом и почувствовать, как согреваются руки и ноги. Вместе с теплом пришла и восхитительная дремота; я блаженно уснула, положив голову Фрэнку на плечо, последним моим зрительным впечатлением был темный силуэт головы водителя на фоне краснеющей зари.

Мы добрались до места уже после девяти, и нанятый Фрэнком гид ждал нас на берегу озера возле небольшого ялика.

– Если вас это устраивает, сэр, я предложил бы небольшое путешествие по озеру вдоль берега до замка Уркхарт.

Там мы перекусим, а потом двинемся дальше.

Гид, очень серьезный маленький человек в потрепанной непогодами холщовой рубашке и саржевых брюках, аккуратно уложил корзинку с припасами под сиденье ялика и протянул мне мозолистую крепкую ладонь, чтобы помочь сойти в лодку.

Это был восхитительный день. Распускающаяся по крутым берегам весенняя зелень отражалась в покрытой мелкой рябью озерной воде. Наш гид, невзирая на столь серьезную наружность, оказался знающим и весьма разговорчивым; по пути он рассказывал нам об островах, а также о замках и развалинах по берегам длинного узкого озера.

– Вон он, замок Уркхарт. – Гид указал на гладкую каменную стену, едва видную за деревьями. – Вернее, то, что от него сохранилось. Он был проклят ведьмами Глена и пережил множество бед и несчастий.

Он рассказал нам историю Мэри Грант, дочери лэрда, владельца замка, и ее возлюбленного, поэта Доналда Донна, сына Макдоналда из Боунтина. Отец девушки запретил ей встречаться с Доналдом, поскольку последний угонял любую скотину, какая ему попадалась (гид заверил нас, что то была старинная и весьма почтенная профессия в горах Шотландии), но они продолжали встречаться тайком. Отец вознегодовал; Доналда заманили на фальшивое свидание и схватили. Приговоренный к смерти, он умолял, чтобы его обезглавили как джентльмена, а не повесили как преступника. Просьба была удовлетворена, и молодой человек положил голову на плаху, повторяя: «Дьявол заберет лэрда Гранта, а Доналд Донн не будет повешен». Легенда утверждает, что, когда отрубленная голова скатилась с плахи, она заговорила и произнесла: «Мэри, подними мою голову».

Я вздрогнула, и Фрэнк обнял меня за плечи.

– Сохранился отрывок из его стихотворения, – сказал он тихонько. – Вот послушай:

Завтра буду я на холме, обезглавленный.
Пожалеете ли вы невесту мою, убитую горем,
Мою златокудрую Мэри с глазами бездонными?

Я легонько сжала его руку.

Истории следовали одна за другой – истории о предательствах, убийствах и насилии, и озеро казалось мне теперь вполне достойным своей мрачной репутации.

– Ну а что вы скажете о чудовище? – спросила я, вглядываясь с борта в темные глубины – вполне подходящее местечко для какого-нибудь страшилища.

Наш гид пожал плечами и сплюнул в воду.

– Озеро, конечно, загадочное, сомнений нет, – ответил он. – О чудовище рассказывают немало. Ему приносили человеческие жертвы, даже маленьких детей будто бы бросали в воду в плетеных корзинках. – Он снова плюнул в воду. – Говорят, озеро это бездонное – в самом центре у него глубочайшая в Шотландии дыра. С другой стороны, – он сильно прищурил глаза, – рассказывают, что несколько лет назад одна супружеская чета, приезжие из Ланкашира, ворвалась в полицейский участок в Инвермористоне с криком, что они, мол, только что видели, как из озера вылезло чудовище и спряталось в папоротниках. Чудовище ужасное, покрытое рыжими волосами, с огромными рогами, оно что-то жевало, и из пасти у него лилась кровь.

Гид поднял руку, предупреждая мое испуганное восклицание.

– Послали констебля посмотреть, что там такое, он вернулся и сообщил, что, за исключением льющейся крови, эти люди дали очень точное описание… – гид немного помедлил ради пущего эффекта, – хорошей шотландской коровы, которая жевала в зарослях папоротника свою жвачку.

Мы проплыли вдоль берега почти половину озера и наконец причалили для позднего ланча. На берегу нас уже ждала машина, и мы двинулись назад через Глен, не встретив по пути ничего более страшного, чем рыжая лисичка с какой-то совсем уж мелкой добычей в зубах. Она очень удивилась, когда мы выскочили из-за поворота, и, отпрыгнув с дороги в сторону, быстро убежала, легкая, как тень.

Было уже очень поздно, когда мы вернулись к дому миссис Бэйрд, да еще задержались на крыльце, со смехом вспоминая события дня, пока Фрэнк разыскивал ключ от двери.

Раздеваясь, чтобы лечь в постель, я вспомнила о маленьком хендже на Крэг-на-Дун и сказала об этом Фрэнку. Его усталость моментально улетучилась.

– Честное слово? И ты знаешь, где он находится? Это великолепно, Клэр!

Он принялся рыться в своем кейсе.

– Что ты там ищешь?

– Будильник.

– Зачем? – удивилась я.

– Хочу встать вовремя, чтобы увидеть их.

– Кого?

– Ведьм.

– Ведьм? Кто тебе сказал, что тут есть ведьмы?

– Викарий, – ответил Фрэнк, явно радуясь шутке. – Его домоправительница – одна из них.

Я подумала о почтенной миссис Грэхем и расхохоталась.

– Не говори ерунды!

– Ну, не самые настоящие ведьмы, конечно. А вообще в Шотландии ведьм было полным-полно, их сжигали на кострах вплоть до начала восемнадцатого века, но на самом деле то были женщины-друиды, так, наверное, надо считать. Я не думаю, что теперь это настоя-

щий шабаш ведьм со всяческой чертовщиной. Викарий утверждает, что это группа местных женщин, соблюдающих старинные обряды солнечных праздников. Он, разумеется, не проявляет к этому открытый интерес – из-за своего сана, но как человек весьма любознательный не может и совсем не обращать внимания. Он не знал, где совершаются эти церемонии, но если поблизости имеется каменный круг, то, скорее всего, именно там.

Фрэнк потер руки в радостном предвкушении:

– Какая удача!

Подняться разок до рассвета ради развлечения даже забавно. Но два дня подряд – это, извините, уже отдает мазохизмом.

На сей раз ни теплого автомобиля, ни термосов. Полусонная, я плелась вслед за Фрэнком вверх по дороге на холм, спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу и то и дело ушибая пальцы о камни. Было холодно и туманно, я спрятала руки поглубже в карманы кардигана.

Еще один рывок к вершине холма – и хендж перед нами, каменные столбы еле видны в предрассветной мгле. Фрэнк остановился и замер в восхищении, в то время как я, задыхаясь, опустилась на первый подходящий для этого камень.

– Прекрасно, – пробормотал Фрэнк, потом молча подошел к внешнему кольцу столбов, и его фигура – тень в тумане – скрылась в более темной тени, падающей от больших камней.

Они были и в самом деле прекрасны, но и чертовски таинственны тоже. Я вздрогнула – совсем не от холода. Если те, кто их воздвигнул, хотели, чтобы они производили сильное впечатление, то они знали, как этого добиться.

Фрэнк очень скоро вернулся.

– Пока никого, – прошептал он у меня над ухом, и я чуть не подпрыгнула от неожиданности. – Идем, я нашел место, откуда мы можем за ними наблюдать.

На востоке забрезжил свет – бледная серая полоса на горизонте, однако и этого оказалось достаточно, чтобы я не спотыкалась, пока Фрэнк вел меня в укрытие под кустами ольхи возле верхнего конца тропы. Там было тесновато, едва-едва можно устроиться двоим плечом к плечу. Тропа видна отсюда хорошо, так же как и внутренняя часть каменного круга примерно в двадцати футах от нас. Уже не первый раз я задумывалась над тем, чем же занимался Фрэнк во время войны. Он был прекрасно подготовлен к тому, чтобы маневрировать в темноте совершенно бесшумно.

Я совсем не выспалась и хотела одного – свернуться под каким-нибудь уютным кустом и заснуть. Однако места для этого не было, и я продолжала стоять, вглядываясь изо всех сил в ожидании приближающихся друидесс. Спину покалывало, и ноги болели, но, пожалуй, это скоро пройдет. Полоска на горизонте из серой сделалась розовой, стало быть, до рассвета не более получаса.

Первая из друидесс появилась почти так же неслышно, как Фрэнк. Только слабый хруст гальки под ногами – и тотчас в тумане проступила аккуратно причесанная седая голова. Миссис Грэхем. Значит, это правда. Экономка викария была благоразумно одета в твидовое платье и шерстяное пальто, под мышкой у нее был белый сверток. Неслышно, словно призрак, она скрылась за одним из больших камней.

Остальные появились вскоре вслед за ней, по одной, по двое и даже по трое, они шли, перешептываясь и пересмеиваясь, по тропе, но мгновенно умолкали, как только поднимались наверх.

Некоторых я узнала. Например, миссис Бьюкенен, почтмейстершу; ее белокурые волосы были недавно завиты и распространяли сильный запах «Вечера в Париже». Я подавила смех. Ничего себе современные друиды!

Их оказалось пятнадцать, исключительно женщины, в возрасте от примерно шестидесяти, как миссис Грэхем, до двадцати с небольшим, как женщина, которую я недавно видела

катящей детскую коляску от магазина к магазину. Все они были одеты для прогулки, и у каждой под мышкой – белый сверток. Почти не разговаривая, они скрывались кто за каменным столбом, кто в кустах и появлялись потом с пустыми руками, облаченные в белое. Когда одна из них прошла совсем близко от нашего укрытия, я уловила запах хозяйственного мыла и сообразила, что их одеяния – всего-навсего простыни, обернутые вокруг тела и закрепленные на плече.

Выстроившись друг за другом по возрасту – младшие за старшими, – они обошли круг камней снаружи и остановились в ожидании. Свет на востоке все разгорался.

Едва лишь солнце поднялось над горизонтом, строй женщин пришел в движение – они медленно вошли в промежуток между двумя камнями. Предводительница провела их прямо к центру круга, а потом они вслед за ней начали все тем же медленным, «лебединым» шагом кругами обходить хендж.

Предводительница внезапно остановилась и повернула к центру. Здесь она встала, подняв руки и повернув лицо в сторону ближайших к востоку камней. Высоким голосом она произнесла какие-то слова, не слишком громко, но так, чтобы ее слышали все участницы процессии. Туман еще не рассеялся, он отражал звуки, и казалось, что они доносятся отовсюду, идут от самих камней. И не только эхо повторяло слова, но и танцовщицы – потому что участницы процессии теперь затанцевали. Они протянули руки одна к другой, не соприкасаясь пальцами, и двигались по кругу, притопывая и слегка покачиваясь. Но вот круг танцующих разделился на две половины. Семь женщин пошли по часовой стрелке, остальные – в противоположном направлении. Два полукруга, встречаясь, то пересекались, то образовывали целый круг, то снова два полукружия. А предводительница все стояла в центре и выкрикивала полный непонятной печали клич на языке, который давно уже умер.

Они должны были казаться смешными, и, вероятно, так оно и было. Сборище женщин, обернутых в простыни, большинство из них толстые и не слишком подвижные, ходят и ходят кругами по вершине холма. Но от звуков их унылого клича волосы колко поднялись у меня на затылке.

Они остановились, все, как одна, двумя полукругами, разделенными дорожкой, и смотрели на солнце. Оно поднялось над горизонтом, и первые лучи, пройдя между двумя восточными камнями, упали на разделившую полукружия дорожку и дальше – на камень на противоположной стороне хенджа.

Танцующие на мгновение замерли в тени по обе стороны от полосы света. Затем миссис Грэхем что-то произнесла все на том же непонятном языке, но уже обычным голосом. Повернулась и пошла по освещенной солнцем дорожке – спина прямая, седые волосы блестят в солнечных лучах. Остальные без единого звука последовали за ней. Одна за другой они прошли сквозь отверстие в главном камне и молча скрылись.

Из своего укрытия в зарослях ольхи мы наблюдали, как женщины переоделись и, теперь уже болтая и пересмеиваясь самым обычным образом, начали спускаться с холма, по-видимому, приглашенные на чашечку кофе в дом викария.

– Господи! – Я распрямилась, чтобы избавиться от судорог в ногах и спине. – Ну и зрелище, скажу я вам!

– Восхитительное! – с восторгом воскликнул Фрэнк. – Ни за какие сокровища мира не хотел бы его пропустить!

Он змеей выскользнул из-под кустов, предоставив мне выпутываться самой, пока он на манер ищейки, носом к земле, обследовал зачем-то внутреннюю часть хенджа.

– Что ты там ищешь? – спросила я, с некоторой опаской вступая в круг.

Но день уже наступил, и камни, все еще впечатляющие, утратили значительную часть своей зловещей мрачности.

– Пометки, знаки, – ответил он, ползая по дерну на четвереньках и что-то высматривая. – Каким образом они узнают, где начинать и где останавливаться?

– Неплохой вопрос. Я ничего не вижу, – сказала я, но, опустив глаза, заметила очень интересное растение у основания одного из вертикальных столбов.

Миозотис? Нет, вряд ли; у этих голубых цветков глубоко запрятанные оранжевые серединки. Я потянулась за цветком, но тут Фрэнк, у которого слух был куда острее моего, выпрямился и схватил меня за руку. Он поспешно увлек меня прочь из внутреннего круга буквально за секунду до того, как в него вошла с противоположной стороны одна из утренних плясуний.

То была мисс Грант, маленькая плотная женщина, занятие которой – она торговала пирожными и сладостями в маленьком собственном магазинчике на Хай-стрит – вполне соответствовало пропорциям ее фигуры. Она близоруко осматривалась по сторонам, потом нашарила в кармане очки и водрузила их на нос; обошла весь круг и наконец подняла с земли большую заколку для волос, за которой вернулась в хендж. Прицепила ее к своим густым блестящим волосам, но возвращаться к повседневным делам не спешила. Уселась на валун, вполне по-приятельски оперлась спиной на одного из каменных гигантов и лениво закурила сигарету.

Фрэнк испустил вздох отчаяния.

– Ладно, – сказал он, смиряясь с неизбежным, – нам, пожалуй, лучше уйти. Судя по ее виду, она может просидеть здесь все утро. К тому же я не обнаружил вообще никаких пометок.

– Мы могли бы вернуться сюда попозже, – предложила я: меня очень заинтересовало растение с голубыми цветами.

– Разумеется, – откликнулся Фрэнк.

Но он уже потерял всякое желание изучать хендж как таковой, его занимали только подробности подсмотренной нами церемонии. Он решительно увлек меня к спуску с холма и по дороге настоятельно требовал, чтобы я как можно точнее припомнила произносимые во время ритуала слова и ритмические особенности танца.

– Норвежские, – с удовлетворением пришел он к выводу. – Корни слов древненорвежские, я почти в этом уверен. Но танец… – Он в раздумье покачал головой. – Танец гораздо старше. Скорее всего, это восходит к круговым танцам викингов.

Он строго сдвинул брови, словно я с ним не соглашалась.

– Но это движение по двойным линиям, оно… хм… оно похоже… некоторые изображения на керамике из Бикер Фолка напоминают эти движения, но, с другой стороны… хм…

Фрэнк впал в свойственный ему временами научный транс, то и дело что-то невразумительно бормоча себе под нос. Вышел он из этого состояния только в самом конце спуска, наступив на какой-то предмет. Взмахнул руками, поскользнулся и с криком покатился вниз, в заросли прошлогоднего бурьяна.

Я поспешила за ним, но нашла его уже сидящим среди трепещущих стеблей.

– С тобой все в порядке? – спросила я на всякий случай, хотя было ясно, что он не пострадал.

– Полагаю, что да. – Он с некоторым недоумением отвел со лба темные волосы. – На что это я налетел?

– Вот на что. – Я подняла пустую жестянку из-под сардин, брошенную кем-то. – Одна из опасностей цивилизации.

– А-а. – Фрэнк взял у меня жестянку, заглянул внутрь и швырнул ее через плечо. – Жаль, что она пустая. После нашей экскурсии я чувствую волчий голод. Может, посмотрим, что там положила нам миссис Бэйрд в качестве раннего завтрака?

– Можно и так, – согласилась я, приглаживая ему выбившиеся пряди. – А с другой стороны, мы могли бы оставить это на ранний ланч.

И я посмотрела ему прямо в глаза.

– А-а, – повторил он, однако уже совершенно другим тоном.

Медленно-медленно он провел пальцами снизу вверх по моей руке, коснулся шеи и легонько потянул мочку уха.

– Могли бы, – сказал он.

– Если ты не слишком голоден.

Вторая рука обняла меня сзади. Ладонь раскрылась, Фрэнк мягко притянул меня к себе, пальцы его скользили все ниже и ниже. Приоткрыв рот, он прильнул к вырезу моего платья, и я ощутила на груди его теплое дыхание.

Он осторожно уложил меня на траву: пушистые кисти сухих злаков словно парили в воздухе вокруг его головы. Наклонился и поцеловал меня нежно и продолжал целовать, пока расстегивал пуговицы на моем платье, пуговку за пуговкой, с промежутками, во время которых успевал просунуть руку под платье и потрогать отвердевшие соски моих грудей. Так он расстегнул платье от ворота до пояса и произнес еще одно «а-а», и снова по-другому, охрипшим голосом.

– Словно белый бархат, – выговорил он.

Темные волосы опять упали ему на лицо, но он не стал поправлять их. Одним движением большого пальца расстегнул мой бюстгальтер и со знанием дела принялся за мои груди. Потом откинулся назад, взял обе груди в ладони и гладил их сверху вниз и снизу вверх до тех пор, пока я не застонала и не повернулась всем телом к нему. Он прижал свои губы к моим и привлек меня к себе так, что наши бедра соприкоснулись очень тесно. Фрэнк повернул голову и принялся пощипывать губами мое ухо.

Рука его опускалась все ниже и ниже – и вдруг замерла как бы в изумлении. Еще одно движение – и Фрэнк поднял голову, взглянув на меня с усмешкой.

– Ау, что же это значит, почему она такая? – дурашливо, подражая говору деревенского паренька, спросил он. – А вернее, не такая?

– Просто приготовилась, – ответила я с нарочитой строгостью. – Медсестры должны быть готовы к приему пациентов. Так нас учили.

– Честное слово, Клэр, – пробормотал он, запуская руку мне под юбку… вверх по бедру, к мягкому, открытому теплу между ног, – ты самая ужасающе практичная особа из всех, кого я знал.

Фрэнк подошел ко мне сзади, когда я сидела в кресле гостиной с большой раскрытой книгой на коленях.

– Что ты делаешь? – спросил он. Его руки мягко легли мне на плечи.

– Ищу одно растение, – ответила я, закрывая книгу, но заложив пальцем нужную страницу. – Я его видела там, возле камней на хендже. Вот посмотри…

Я снова открыла книгу.

– Оно могло бы относиться к семейству Campanulaceae или к Gentianaceae, к Polemoniaceae, Boraginaceae… чем-то похоже на незабудки, но и на вариант вот этого растения, Anemone patens.

Я показала на цветную иллюстрацию с изображением сон-травы.

– Я не думаю, что это какая-нибудь генциана, лепестки недостаточно закругленные, но…

– Ну хорошо, – перебил меня Фрэнк, – а почему не вернуться туда и не сорвать его? Мистер Крук, наверное, не откажется одолжить тебе свою громыхалку… или нет, погоди,

у меня более разумная мысль. Попроси у миссис Бэйрд ее машину, это куда безопаснее. От дороги до подножия холма расстояние небольшое.

– А потом всего тысяча ярдов вверх, – сказала я. – Почему ты так заинтересовался этим растением, а?

Я повернулась, чтобы посмотреть на него. Свет лампы обвел золотым нимбом контур его головы, точь-в-точь как у святых на средневековых иконах.

– Меня интересует совсем не растение, – ответил Фрэнк. – Но если ты туда поднимешься, я хотел бы, чтобы ты осмотрела все это сооружение снаружи.

– Хорошо, – покорно согласилась я. – А зачем?

– Следы огня, – сказал он. – Во всех работах о Празднике костров, какие мне довелось прочесть, огонь непременно упомянут как обязательная часть ритуала. Но женщины, за которыми мы наблюдали нынче утром, огня не зажигали. Возможно, они жгли костры накануне ночью, а наутро пришли исполнить танец. Исторически было так, что костры разжигали пастухи. Внутри каменного круга я не обнаружил следов огня, но, поскольку нам пришлось поспешно ретироваться, внешнюю сторону я обследовать не успел.

– Хорошо, – повторила я и зевнула: два ранних подъема подряд давали себя знать.

Я закрыла книгу и встала.

– Только предупреждаю, что раньше девяти я вставать не собираюсь.

Я добралась до каменного круга примерно около одиннадцати утра на следующий день. Моросило, и я промокла, потому что не догадалась захватить с собой дождевик. Бегло осмотрев хендж с наружной стороны, я не нашла следов огня; если они и были, то кто-то позаботился об их уничтожении.

Найти растение оказалось проще. Я помнила место, где оно росло, – у подножия самого высокого каменного столба. Отделив несколько побегов, я завернула их в носовой платок. Тяжелые гербарные сетки я оставила в машине и собиралась уложить растение как следует после спуска с холма.

Самый высокий каменный столб хенджа был разделен на две части по вертикали, два массивных блока. Видимо, это было сделано специально, для какой-то цели. Вы легко могли заметить, что лицевая поверхность у обоих блоков одинаковая, однако они отстояли один от другого фута на три.

Откуда-то поблизости донеслось глухое жужжание или гудение. Я подумала, что в какой-нибудь расселине камня нашел себе жилье пчелиный рой, и, намереваясь заглянуть в пролет между блоками, оперлась о камень рукой.

Камень закричал.

Я попятилась с такой скоростью, что не удержалась на ногах и довольно-таки жестко приземлилась на короткую весеннюю траву. Вся потная, я уставилась на камень.

Никогда я не слышала, чтобы живое существо могло издать подобный звук. Описать его невозможно – разве что сказать, что если бы камень мог закричать, он испустил бы именно такой крик. Это было ужасно.

Начали испускать крики и другие камни. То был шум битвы, вопли убиваемых людей, звуки от падения на землю лошадей.

Я затрясла головой, чтобы прогнать наваждение, но шум продолжался. Я вскочила на ноги и, спотыкаясь, кинулась к выходу из круга. Звуки настигали меня, от них ныли зубы и кружилась голова. У меня потемнело в глазах.

Я не могу сказать, сознательно ли я устремилась к просвету между двумя частями главного столба, или это вышло случайно, в результате слепого движения в хаосе шума.

Однажды во время ночной поездки я заснула на пассажирском сиденье несущегося вперед автомобиля, рокот мотора и быстрое движение создавали иллюзию дивной невесомости. Водитель проехал по мосту на слишком большой скорости и потерял контроль над

машиной. Я очнулась, когда в мой сон ворвался ослепительный свет фар, и испытала тошнотворное чувство от падения на полном ходу. Этот внезапный переход из одного состояния в другое можно сравнить с тем, что я пережила теперь, но за неимоверно короткий промежуток времени.

Поле зрения внезапно сузилось до единственного темного пятна, но тут же передо мной возникла сияющая пустота. Я словно находилась в центре затягивающего кругового вихря… Невозможно передать ощущение полной гибели, полного разрушения, того, что меня сильно ударило обо что-то, чего вообще нет.

Суть заключалась в том, что никакого движения не произошло, никаких перемен, ничего не случилось, но тем не менее я испытывала стихийный ужас небывалой силы и перестала понимать, кто я или что я и где нахожусь. Я была в средоточии хаоса, и никакая сила, духовная или телесная, не могла ему противостоять.

Не знаю, потеряла ли я сознание, но определенно некоторое время была не в себе. Я проснулась – если можно так выразиться в данном случае, – споткнувшись о камень у подножия холма, кое-как съехала на ногах оставшиеся несколько футов и растянулась на густой, растущей пучками траве.

Мне было плохо, кружилась голова. С трудом доползла до молодых дубков и прислонилась к одному из них, чтобы прийти в себя. Где-то неподалеку раздавались крики, напомнившие мне о звуках, которые я слышала на холме, в каменном кругу. Но они утратили нечеловеческий оттенок; теперь я слышала обычные голоса вступивших в конфликт людей и повернулась в ту сторону.

Глава 3. Человек в лесу

Мужчины находились на некотором расстоянии от меня, когда я их увидела. Двое или трое, одетые в килты, они неслись, как дьяволы, по небольшой поляне. Издали доносился резкий шум, в котором я, к своему изумлению, узнала грохот ружейных выстрелов.

Я была совершенно уверена, что все еще галлюцинирую, когда вслед за звуками выстрелов появилось пять или шесть человек, одетых в красные мундиры и бриджи до колен; они размахивали мушкетами. Я уставилась на них. Подняла к лицу руку и расставила перед глазами два пальца. Увидела два пальца – все нормально и реально. Никакого помутнения зрения. Я осторожно потянула носом воздух. Сильный, по-весеннему острый запах деревьев и слабый – клевера у меня под ногами. Никаких странностей обоняния.

Я пощупала голову. Никаких неприятных ощущений. Контузии вроде бы нет. Пульс немного учащенный, но ровный.

Отдаленный шум и крики внезапно сменились топотом копыт; прямо на меня скакали боевые кони, верхом сидели шотландцы в килтах, громко выкрикивая что-то по-гэльски. Я увернулась с дороги со всей прытью, на какую была способна, – значит, физически я не пострадала ничуть, каким бы ни было мое умственное состояние.

Но тут один из красных мундиров был сброшен с коня пронесшимся мимо шотландцем и, вскочив на ноги, театральным жестом погрозил кулаком вслед лошадям. И я поняла. Конечно же! Фильм! Я даже головой затрясла при мысли о моей несообразительности. Они «выстреливают» какую-то костюмную драму, вот и все. Что-то вроде «Принца Чарли в зарослях вереска» или тому подобное.

Так. Независимо от художественной ценности этого произведения съемочной группе вряд ли придется по душе тот антиисторический диссонанс, который я внесу своим появлением перед камерой. Я отступила в заросли, намереваясь сделать широкий круг в обход поляны и выйти таким образом к дороге, где я оставила машину. Идти оказалось труднее, чем я предполагала. Лес был молодой, но с густым подлеском, платье мое то и дело цеплялось за кусты. Я пробиралась между тонкими дубками, выпутывая подол из плетей куманики.

Если бы он был змеей, я бы на него наступила. Он стоял среди деревьев так тихо и неподвижно, словно бы сам превратился в дерево, и я заметила его только тогда, когда он схватил меня за руку.

Ладонью второй руки он быстрым и резким движением зажал мне рот и утянул в заросли, приведя тем самым в паническое состояние. Кто бы ни был этот похититель, ростом он казался ненамного выше меня, но определенно был гораздо сильнее. Я ощутила слабый цветочный аромат, кажется, пахло лавандой, и запах этот смешивался с сильным запахом мужского пота. Ветки сомкнулись за нами, и, пока он тащил меня по тропинке, я обратила внимание на то, что обхватившая меня за талию рука очень знакомая.

Я дернула головой и высвободила рот.

– Фрэнк! – взорвалась я. – Ради всего святого, что это за нелепая игра?

Я разрывалась между двумя противоречивыми чувствами: с одной стороны, была рада, что нашла Фрэнка здесь, а с другой – была дико возмущена грубой шуткой. Ошарашенная тем, что произошло со мной среди каменных столбов хенджа, я совершенно не была расположена шутить. Он отпустил меня, но едва я к нему повернулась, как поняла, что дело неладно. Суть не в незнакомом одеколоне, а в чем-то гораздо более существенном. Я остолбенела, а волосы на затылке встали дыбом.

– Вы не Фрэнк, – прошептала я.

– Отнюдь нет, – согласился он, наблюдая за мной с весьма большим интересом. – Правда, у меня есть кузен, которого так зовут, но я сомневаюсь, чтобы вы меня с ним спутали, потому что между нами нет никакого сходства, мадам.

Как бы там ни выглядел его кузен, но сам он вполне мог сойти за брата Фрэнка. То же гибкое и худощавое сложение, те же четкие линии скул, словно резцом очерченное лицо; ровные брови, широко расставленные карие глаза, те же темные волосы.

Но у этого человека волосы были длинные, стянутые на затылке кожаным ремешком. Темная, словно у цыгана, кожа на лице, вероятно, месяцами и годами подвергалась воздействию солнца и ветра и ничуть не напоминала легкий золотистый загар, который приобрел Фрэнк в Шотландии.

– Но кто же вы? – не удержалась я от вопроса.

Родственников и свойственников у Фрэнка было множество, но мне казалось, что я хорошо знаю всю британскую ветвь семьи. И среди них не было никого похожего на этого человека. И конечно, Фрэнк рассказал бы мне о любом близком родиче, живущем в горной Шотландии. И не просто упомянул бы или рассказал, но настаивал бы на визите к нему во всеоружии генеалогических записей и блокнотов для новых пикантных сведений из семейной истории о знаменитом Черном Джеке Рэндолле.

В ответ на мой вопрос незнакомец поднял брови:

– Кто я? Я мог бы задать вам тот же вопрос, мадам, но с гораздо большим основанием.

Его глаза медленно исследовали мою особу с ног до головы; наглым оценивающим взглядом он рассматривал мое цветастое легкое ситцевое платье и с особым вниманием – мои ноги. Я не вполне поняла смысл этого взгляда, но тем не менее занервничала ужасно, отступила на шаг или два и ударилась спиной о дерево довольно чувствительно.

Мужчина отвел от меня глаза и тем самым словно бы освободил меня от принуждения. Я вздохнула полной грудью, хотя до той минуты не сознавала, что невольно задерживаю дыхание.

Он повернулся, чтобы поднять свой мундир, брошенный на нижнюю ветку молодого дуба. Отряхнул мундир от приставших листьев и начал его натягивать.

Я опять задышала через раз, потому что он снова посмотрел на меня. Мундир у него был ярко-алый, в обтяжку и без отворотов, застегнутый наглухо. На рукавах отвороты из буйволовой кожи шириной по меньшей мере в шесть дюймов, на одном из эполетов мерцало небольшое кольцо из золотого шнура. Драгунская форма, причем офицерская. Тут меня осенило: он, конечно же, тоже актер, из той компании, с которой я столкнулась на другом конце дубовой рощи. Однако короткий меч, пристегнутый к поясу, был на вид куда более реальным, нежели те, какие мне довелось повидать у актеров.

Я покрепче прижалась спиной к стволу дерева и почувствовала себя увереннее. Руки скрестила на груди – в оборонительной позиции.

– Да кто же вы, черт побери, такой на самом деле?

Этот мой вопрос прозвучал столь вызывающе и грубо, что я сама испугалась.

Он будто и не слышал, продолжая застегивать мундир. Закончив это занятие, повернулся ко мне. Сардонически поклонился, прижав руку к сердцу.

– Я, мадам, Джонатан Рэндолл, эсквайр, капитан его величества восьмого драгунского полка. К вашим услугам, мадам.

Я сорвалась с места и кинулась бежать. Жарко и шумно дыша, я продиралась сквозь заросли дуба и ольхи, не обращая внимания на куманику, крапиву, поваленные стволы – одним словом, ни на какие препятствия у себя на пути. Я слышала крик где-то позади, но была слишком напугана, чтобы точно определить его направление.

Я бежала слепо; ветки царапали лицо и руки, я то и дело спотыкалась или подворачивала ногу, оступившись в ямку. В голове не было места для сколько-нибудь разумной мысли, я хотела лишь одного – убежать от этого человека.

Что-то тяжелое ударило меня в спину, я с размаху упала ничком на землю, растянувшись во весь рост, упала так страшно, что это почти лишило меня сознания. Грубые руки повернули меня на спину, и капитан Джонатан Рэндолл встал возле меня на колени. Он дышал тяжело и во время погони потерял свой меч. Растрепанный и грязный, он к тому же был весьма раздражен.

– Какого дьявола вы кинулись убегать от меня? – спросил он.

Прядь густых темных волос упала на лоб, перечеркнув бровь, и это сделало его невероятно похожим на Фрэнка.

Он наклонился и схватил меня за руки. Все еще задыхаясь, я попыталась освободиться, но добилась только того, что он повалился на меня. Он потерял равновесие и всей своей тяжестью придавил меня к земле. Несколько удивленный, он, однако, перестал злиться.

– Ах вот оно что! – произнес он со смешком. – Был бы рад оказать тебе эту любезность, цыпочка, но ты выбрала весьма неудачный момент.

Мои бедра были плотно придавлены к земле, в поясницу врезался острый камешек. Я попыталась переменить положение, но он еще сильнее налег на меня и обеими руками притиснул к земле мои плечи. Я открыла рот, чтобы выразить свое возмущение, но успела только выговорить: «Что вы себе…», потому что он наклонился и поцеловал меня, оборвав не успевшую начаться гневную филиппику. Он просунул язык мне в рот, нагло и бесстыдно двигал им во все стороны, то глубже, то ближе к моим губам. Кончил он это занятие так же внезапно, как начал, и откинулся назад. Потрепал меня по щеке.

– Неплохо, цыпочка. Может быть, попозже я и найду время заняться тобой как следует.

К этому времени я уже выровняла дыхание и немедленно воспользовалась этим. Крикнула что было мочи прямо ему в ухо, и он отскочил от меня, словно я сунула ему в ухо раскаленную проволоку. Но я успела еще и дать ему коленом в незащищенный низ живота; он откатился в сторону и распростерся на рыхлой земле.

Я вскочила на ноги, но он уже оправился от удара и возник рядом со мной. Я дико озиралась по сторонам – в какую сторону бежать, но мы оказались, как я теперь разглядела, у подножия одной из столь часто встречающихся в Шотландии отвесных гранитных скал – они вздымаются ввысь, точно башни, прямо из земли. Рэндолл догнал меня в том месте, где в этой каменной глыбе была выемка, нечто вроде неглубокой пещеры. Он загораживал выход, упершись обеими руками в края выемки, и смотрел на меня со смешанным выражением злости и любопытства на красивом загорелом лице.

– С кем ты была? – спросил он. – Кто такой Фрэнк? Среди моих товарищей нет человека с таким именем. Может, он из тех, кто живет по соседству, а?

Он насмешливо улыбнулся.

– От твоей кожи навозом не несет, значит, с батраком или арендатором ты не была. Да и на вид ты стоишь подороже, чем может себе позволить местный фермер.

Я стиснула кулаки и выставила вперед подбородок. О чем бы ни болтал этот шутник, ко мне это не могло иметь отношения.

– Я не имею ни малейшего представления, о чем вы говорите, и буду очень вам признательна, если вы немедленно выпустите меня отсюда, – заговорила я тоном самой строгой палатной сестры.

В свое время тон этот действовал неотразимо на слишком настойчивых санитаров и молодых интернов, но капитана Рэндолла он лишь позабавил.

Я изо всех сил старалась победить страх и растерянность, которые бились у меня в груди, словно перепуганные куры в курятнике.

Рэндолл медленно покачал головой, внимательно изучая меня взглядом.

– Не сейчас, цыпочка, только не сейчас. Я спрашиваю себя, – произнес он спокойно и уверенно, – почему это шлюха в одной сорочке не сняла своих туфель. И туфель недурных, – добавил он, поглядев на мои кожаные мокасины.

– Что такое?! – возопила я.

На мое восклицание он чихал. Посмотрел еще раз мне в лицо, сделал шаг вперед и взял меня за подбородок. Я схватила его за руку и попыталась освободиться.

– Отпустите сейчас же! – крикнула я.

Пальцы у него были крепкие, как сталь. Не обращая внимания на мои попытки вырваться, он повернул мое лицо в сторону так, чтобы на него упал затухающий предвечерний свет.

– Готов поклясться, что это кожа леди, – пробормотал он про себя.

Наклонился вперед и принюхался.

– А от волос пахнет французским одеколоном.

Он убрал руку, и я возмущенно вытерла подбородок, мне хотелось уничтожить следы его прикосновения к моей коже.

– Все это может быть оплачено деньгами твоего хозяина, – рассуждал он. – Но речь… ты и говоришь как леди.

– Премного благодарна! – прошипела я. – Прочь с дороги! Меня ждет муж, и если я не вернусь через десять минут, он станет меня искать.

– О, ваш супруг? – Издевательски-любезное выражение на его лице слегка померкло, но не исчезло полностью. – А как его имя, скажите, пожалуйста? Где он? И почему он позволяет своей жене бродить по пустынному лесу полуодетой?

Я все время старалась выключить ту часть моего сознания, которая билась над решением загадок нынешнего дня. Теперь мне не давала покоя мысль, что у этого человека фамилия точно такая, как у Фрэнка, и оттого положение становится еще более запутанным и тревожным. Не удостоив Рэндолла ответом на его вопросы, я попыталась пройти мимо него. Он преградил мне дорогу мускулистой рукой, а другую протянул ко мне.

Откуда-то сверху донесся странный свистящий шум, и сразу вслед за ним мимо меня пролетело что-то темное. Раздался глухой удар. Капитан Рэндолл очутился на земле у моих ног под тяжелой массой, похожей на свернутый старый и рваный плед. Из недр этой массы поднялся смуглый тяжелый кулак и тотчас опустился, нанеся мощный удар. Ноги капитана, обутые в высокие блестящие коричневые сапоги, дрыгнулись и замерли.

Очнувшись от потрясения, я обнаружила, что стою и смотрю кому-то в глаза – черные и пронзительные. Сильная рука, столь своевременно прекратившая нежелательные домогательства капитана, крепко держала меня за предплечье.

– А вы-то кто такой, черт возьми? – в изумлении выговорила я.

Мой спаситель, если мне следовало так его называть, был ниже меня ростом на несколько дюймов и худощав, но обнаженные руки его отличались замечательной мускулатурой, да и вся фигура казалась необычайно подвижной и упругой. Лицо некрасивое, рябое, низкие брови и узкий рот.

– Сюда, – произнес он и потянул меня за собой.

Оглушенная развитием событий, я, не сопротивляясь, последовала за ним.

Мой новый спутник быстро прокладывал путь через ольшаник, потом обогнул большой валун, и мы вышли на тропу.

Проложенная сквозь заросли дрока и вереска, она шла такими зигзагами, что дальше шести футов ничего нельзя было разглядеть, и круто подымалась в гору к вершине холма.

Я стала дышать ровнее и собралась немного с мыслями не раньше, чем мы поднялись, а потом начали осторожно спускаться с противоположной стороны холма; тогда я решилась спросить, куда же мы идем. Не получив ответа, я повторила свой вопрос громче.

К моему немалому удивлению, спутник повернулся ко мне с искаженным лицом и столкнул меня с тропы в чащу. Я собралась было выразить протест, но он закрыл мне рот ладонью, повалил на землю и сам повалился на меня.

Ну уж нет! Я начала отчаянно сопротивляться, извиваясь как могла, но тут услышала то, что, очевидно, первым услыхал мой вожатый. Громкие голоса, сопровождаемые топотом ног и хлюпаньем грязи. Голоса были несомненно английские, то есть я хочу сказать, что их обладатели переговаривались на английском языке. Я все еще отчаянно старалась высвободить рот. Вонзила зубы в ладонь придавившего меня к земле человека, но успела лишь почувствовать, что он ел соленую селедку прямо руками; в ту же секунду что-то ударило меня по затылку и настала тьма.

Каменный коттедж возник как-то внезапно из ночного тумана. Ставни были плотно закрыты, пропуская только самые тонкие ниточки света. Не представляя, сколько времени я находилась без сознания, я, понятно, не могла определить, как далеко мы отъехали от холма Крэг-на-Дун или от города Инвернесса. Отъехали – потому что мы находились в седле верхом на лошади, я сидела впереди захватившего меня в плен спасителя, руки привязаны к передней луке седла. Но ехали мы по бездорожью, так что продвигались медленно.

Я подумала, что в отключке была недолго: никаких симптомов сотрясения мозга или других неприятных последствий удара, если не считать некоторой болезненности в том месте, по которому меня ударили. Мой похититель оказался человеком немногословным, на мои вопросы, возмущенные декларации и желчные замечания он отвечал свойственным всем шотландцам междометием, которое фонетически можно было бы передать как «ммфм». Если бы у меня и было сомнение насчет его национальности, то одного этого звука было бы достаточно, чтобы его устранить.

Глаза постепенно привыкли к вечерней тьме, пока лошадь, спотыкаясь, пробиралась среди камней и зарослей дрока, поэтому, вступив из почти полной темноты в комнату, как мне вначале показалось, очень ярко освещенную, я была почти ослеплена. Но первое впечатление быстро рассеялось, и я убедилась, что в комнате всего-навсего два источника света: горящий очаг и достаточно тусклые свечи в подсвечниках; впрочем, потом я увидела невероятно старомодную масляную лампу.

– Кого это ты ведешь, Мурта?

Мой узколицый похититель подтащил меня за руку поближе к свету.

– Английскую девку, Дугал, судя по тому, как она разговаривает.

В комнате находилось несколько мужчин, и все они уставились на меня, одни с любопытством, другие весьма плотоядно. Мое платье было порвано во многих местах в результате вечерних приключений, привести его в порядок не было, как я убедилась, никакой возможности. Сквозь дыру в верхней части платья я увидела обнаженную грудь; уверена, что мужчины тоже ее разглядели. Я не стала зажимать рукой порванную материю – это лишь привлекло бы нежелательное внимание; вместо этого повернулась наугад к одному из мужчин и нахально уставилась прямо ему в лицо, надеясь тем самым отвлечь его внимание от дефектов в моей одежде.

– Англичанка она или нет, но вполне хорошенькая, – сказал этот человек, толстый и весь лоснящийся.

Он сидел возле очага, держа в руке кусок хлеба, с которым не пожелал расстаться, даже когда встал и подошел ко мне. Тыльной стороной ладони поднял мне подбородок, а потом откинул назад волосы с лица. Хлебные крошки посыпались мне за шиворот. Остальные муж-

чины тоже собрались вокруг меня, сплошные пледы и усы, от них крепко несло потом и водочным перегаром. Только теперь я заметила, что все они одеты в килты – странно даже для этой части Шотландии. Может, я попала на собрание клана или полковую вечеринку?

– Не робейте, барышня.

Эти слова произнес крупный чернобородый мужчина, который оставался сидеть за столом у окна.

Жестом он подозвал меня к себе. Судя по виду, он был руководителем всей этой шайки. Мужчины неохотно расступились, пропуская Мурту, который повел меня вперед по праву владельца добычи.

Чернобородый оглядел меня спокойно, без всякого выражения на лице. Он был недурен собой и нельзя сказать, что недружелюбен. Однако между бровей пролегли суровые морщины; судя по всему, вряд ли бы кто-то захотел встать ему поперек дороги.

– Как ваше имя, барышня?

Для человека такого сложения голос у него оказался неожиданно высокий, а совсем не глубокий бас, который я ожидала услышать, взглянув на его широченную грудь.

– Клэр… Клэр Бошан, – ответила я, решив на всякий случай воспользоваться моей девичьей фамилией.

Если они рассчитывают на выкуп, не стоит помогать им и называть имя, которое привело бы к Фрэнку. И вообще не стоило сообщать этим весьма подозрительным на вид мужчинам, кто я такая на самом деле, прежде чем не узнаю, кто они.

– И почему вы думаете, что вы… – начала было я, но чернобородый не стал меня слушать.

– Бошан? – Густые брови поднялись вверх, и вся компания тоже изобразила удивление. – Но ведь это французское имя?

Он произнес фамилию правильно, по-французски, хотя я выговорила ее на английский манер – Бичем.

– Да, совершенно верно, – ответила я, несколько удивленная.

– Где ты нашел эту барышню? – обратился Дугал к Мурте, который как раз освежал себя из кожаной фляжки.

Маленький смуглый человечек пожал плечами.

– У подножия Крэг-на-Дуна. Она беседовала с неким драгунским капитаном, с которым я имел случай познакомиться раньше, – сказал он, многозначительно приподняв брови. – Кажется, они обсуждали, шлюха эта леди или нет.

Дугал окинул меня еще раз своим невозмутимым взглядом, осмотрев со всем вниманием мое ситцевое набивное платье и туфли для прогулки.

– Понимаю. И какова была точка зрения леди по этому вопросу? – спросил он, сделав язвительное ударение на слове «леди».

Мурта, казалось, забавлялся на свой манер; уголок рта у него слегка приподнялся, когда он ответил:

– Она сказала, что не шлюха. Капитан и сам сомневался, так ли это, но собирался провести испытание.

– Мы тоже можем этим заняться.

Жирный бородач направился ко мне, расстегивая пояс. Я немедленно попятилась от него, но размеры комнаты ограничивали мои возможности.

– Перестань, Руперт. – Дугал смотрел на меня, нахмурив брови, но его голос прозвучал властно, и Руперт унялся. Вид у него при этом был комично разочарованный. – Я не допущу насилия, да у нас к тому же и времени нет.

Я была весьма признательна за столь дипломатичное разрешение конфликта, хотя с точки зрения морали оно казалось по меньшей мере двусмысленным. Однако меня беспо-

коило откровенно похотливое выражение некоторых лиц. Непонятно почему, я чувствовала себя так, словно появилась на публике в нижнем белье. Я понятия не имела, кто эти шотландские бандиты, но они казались мне очень опасными, и я придержала язык, с которого уже готовы были сорваться подходящие к случаю, но отнюдь не своевременные выражения.

– Ну, что скажешь, Мурта? – обратился Дугал к моему похитителю. – Мне кажется, она не расположена к Руперту, а?

– Выгоды никакой, – отозвался вместо Мурты низенький лысый человек. – Он не может дать ей серебра. Сами понимаете, ни одна баба не станет путаться с Рупертом, если он не заплатит вперед, – добавил он под дружный хохот своих товарищей.

Дугал утихомирил веселье одним движением руки и кивнул головой по направлению к двери. Лысый, все еще посмеиваясь, послушно удалился из комнаты в ночную темноту.

Мурта, который не стал смеяться вместе с прочими, бросил на меня хмурый взгляд и энергично тряхнул длинной, до самых бровей, челкой прямых волос.

– Нет, – сказал он твердо. – Я понятия не имею, кто она на самом деле, но готов заложить свою лучшую рубашку, что она не шлюха.

Я подумала, что, надо надеяться, его лучшая рубашка не та, в какую он сейчас одет, – на эту, пожалуй, никто бы не заключил пари.

– Кому знать, Мурта, если не тебе, ты их повидал на своем веку немало, – сказал Руперт с недружелюбной насмешкой, но Дугал резко оборвал его.

– Об этом потолкуем позже, – сказал он. – Нынче ночью нам предстоит проехать немалое расстояние, а нужно еще попробовать помочь Джейми. В таком состоянии он ехать не может.

Пока они переговаривались, я успела отступить в темный угол возле очага и старалась не привлекать к себе внимания. Мурта развязал мне руки, прежде чем ввести в дом. Может, мне удастся ускользнуть отсюда незамеченной, поскольку у бандитов есть о чем подумать и без меня. Все они занялись молодым человеком, сгорбившимся на скамейке в углу. Он ни разу не поднял глаза, пока меня разглядывали и расспрашивали, сидел, опустив голову, держась рукой за плечо и слегка покачиваясь вперед-назад, как видно, от боли.

Дугал осторожно отвел в сторону его руку. Кто-то еще снял с него плед, под которым была надета перепачканная в грязи и окровавленная полотняная рубашка. Невысокий мужчина с густыми усами подошел к юноше сзади и разрезал ножом рубашку – придерживая за воротник – через грудь к рукаву, так что она сползла с плеча.

У меня дыхание перехватило – впрочем, у некоторых из мужчин тоже. На плече была рана, глубокая, с рваными краями, и кровь из нее текла юноше на грудь. Но еще ужаснее выглядел плечевой сустав. Пугающий своей величиной бугор торчал в сторону, и рука была согнута под немыслимым углом.

– Ммфм, – промычал Дугал. – Бедняга, у тебя вывих что надо.

Молодой человек впервые поднял голову. Лицо у него было мужественное и приятное, несмотря на выражение страдания и отросшую рыжеватую щетину.

– Я упал на руку, когда мушкетная пуля выбила меня из седла. Всем весом на нее приземлился, она – крак! – и выскочила.

– Выскочила, без всякого сомнения, – согласился с ним усатый шотландец – судя по выговору, грамотный.

Он дотронулся до поврежденного плеча, и лицо юноши исказила гримаса боли.

– Рана неопасная, – продолжал усатый. – Пуля прошла навылет, и кровь течет свободно.

Он взял со стола какой-то грязный лоскут и приложил его к ране, чтобы остановить кровь.

– А что с вывихом делать, я просто не знаю. Чтобы его вправить, нужен костоправ. Ведь ты в таком виде не можешь ехать верхом, а, Джейми?

Мушкетная пуля? Костоправ? У меня закружилась голова.

Смертельно бледный юноша покачал головой.

– Сильно болит, даже когда просто сидишь. С лошадью мне не справиться.

Он опустил глаза и крепко прикусил зубами нижнюю губу.

– Но мы же не сможем оставить его здесь! – горячо заговорил Мурта. – Красномундирники не шибко большие мастера разъезжать в темноте, но рано или поздно они сюда доберутся. А Джейми с такой дырой в плече вряд ли сойдет за обыкновенного батрака.

– Можешь не волноваться, – сказал Дугал. – Никто и не собирается оставлять его тут.

Усатый вздохнул.

– Что поделаешь, надо попробовать поставить сустав на место. Мурта… и ты, Руперт… подержите его, а я попытаюсь.

Я, полная сочувствия, наблюдала за тем, как он взял юношу за кисть руки и за локоть и начал поднимать руку вверх. Угол был совершенно неправильный. Движение должно было причинять адскую боль. Пот полился у юноши по лицу, но он не закричал, а только негромко застонал. Но тут же резко подался вперед и упал бы, если бы его не держали мужчины.

Один из них откупорил кожаную фляжку и приложил ее к губам раненого. Резкий запах спиртного донесся даже до меня в моем углу. Молодой человек задохнулся, закашлялся, но все-таки сделал небольшой глоток, остальное пролилось на рубашку.

– Попробуем еще разок, а, паренек? – спросил усатый. – Может, у Руперта выйдет лучше? – обратился он к чернобородому жирному бандиту.

Руперт, поощряемый таким образом к действию, вытянул руки, словно собирался ухватиться за кейбер[7], вцепился юноше в запястье и явно намеревался силой вправить сустав, – операция, в результате которой рука перекосилась бы, как ручка метлы.

– Не смейте этого делать!

Все мои мысли о бегстве были подавлены чувством профессионального долга, и я выступила вперед, не замечая, с каким изумлением смотрят на меня мужчины.

– Что вы имеете в виду? – спросил усатый, совершенно потрясенный моим вмешательством.

– Вы сломаете ему руку, если будете действовать подобным образом, – отрезала я. – Отойдите, пожалуйста.

Взяв Руперта за локоть, я отвела его в сторону и перехватила у него запястье раненого. Юноша был удивлен не меньше остальных, но не противился. Кожа у него была теплая, но, насколько я могла определить, его не лихорадило.

– Нужно повернуть верхнюю часть руки под правильным углом, прежде чем вправлять сустав, – сердито приговаривала я, осуществляя на практике то, о чем говорила.

Юноша был весьма крепкого сложения, рука тяжелая, как свинец.

– Сейчас будет самое худшее, – предупредила я пациента и обхватила ладонью локоть, чтобы приподнять и вправить вывихнутый сустав.

Он со стоном проговорил:

– Хуже, чем теперь, не будет. Действуйте.

Пот крупными каплями катился у меня по лицу. Вправление плечевого сустава – дело весьма трудное даже при самых благоприятных обстоятельствах, а здесь я имела дело с крупным мужчиной, который провел с вывихнутой рукой уже несколько часов, мышцы отекли и давили на сустав. Работа требовала от меня напряжения всех сил. Очаг находился в опасной близости от нас, и я боялась, как бы мы оба туда не угодили, когда я сделаю рывок, вправляя сустав. Внезапно послышался легкий щелчок, и сустав встал на место. Пациент пришел в изумление. Не веря в исцеление, поднял руку, чтобы испытать ее.

---

[7] Кейбер – бревно из ствола молодого дерева, используется при шотландской игре в «метание ствола».

– Она больше не болит! – воскликнул он с улыбкой восторженного облегчения во все лицо, в то время как остальные мужчины разразились одобрительными возгласами и захлопали в ладоши.

– Будет болеть, – сказала я, вся мокрая от напряжения, но весьма довольная результатом. – Руку надо беречь несколько дней, а первые два или три дня вообще не напрягать. Разрабатывайте ее медленно и постепенно. Прекращайте любое движение, если почувствуете боль, и каждый день накладывайте теплые компрессы.

Давая свои советы, я спохватилась, что, хоть мой пациент слушает меня с уважительным вниманием, остальные мало-помалу переходят от удивления к подозрительности.

– Дело в том, что я медсестра, – пояснила я в свою защиту.

Глаза Дугала, а следом за ним и Руперта остановились на моей груди и несколько задержались с выражением осуждающим и восхищенным одновременно. Потом они обменялись взглядами, и Дугал повернулся ко мне.

– Будь кем хочешь, – сказал он. – Хоть ты и кормилица[8], но лечить, кажется, умеешь. Ты перевяжешь парню рану так, чтобы он мог сидеть верхом на коне?

– Да, рану я перевязать могу, – ответила я достаточно резко. – Если найдется, чем ее перевязать. Но что значит «кормилица»? Что вы имеете в виду? И вообще, почему вы думаете, что я обязана вам помогать?

На мою отповедь Дугал не обратил внимания; он повернулся и заговорил на языке, который я определила как гэльский, с женщиной, забившейся в угол. Окруженная толпой мужчин, я ее раньше попросту не замечала. Одета она была, как мне показалось, весьма странно: длинная рваная юбка, нечто вроде кофты с длинными рукавами, а поверх этого то ли короткий жилет, то ли камзол. Выглядело все вместе неопрятно, да и лицо у нее чистотой не отличалось. Впрочем, как я уже заметила, в доме не было ни электричества, ни водопровода – в известной мере это объясняло и даже извиняло неряшливость.

Женщина сделала короткий реверанс и, прошмыгнув за спинами Руперта и Мурты, начала рыться в раскрашенном деревянном сундуке возле очага, откуда вытащила груду ветхого тряпья.

– Нет, это не пойдет, – сказала я, брезгливо дотронувшись до тряпок кончиками пальцев. – Рану надо первым делом продезинфицировать, а потом перевязать чистым полотном, если у вас нет стерильного бинта.

Брови мужчин взлетели вверх.

– Продезинфицировать? – медленно и с трудом выговорил усатый коротышка.

– Вот именно, – твердо ответила я, решив, что, несмотря на образованный выговор, коротышка простоват. – Из раны необходимо удалить грязь, а после обработать обеззараживающим составом, чтобы уничтожить микробы и способствовать заживлению.

– Чем же?

– Ну, например, йодом, – ответила я, но, заметив на лицах полное недоумение, продолжила: – Мертиолатом? Раствором карболовой кислоты? Или… хотя бы просто алкоголем?

Лица прояснились. Наконец-то я нашла понятное для них слово. Мурта сунул мне в руки кожаную фляжку. Я только вздохнула. Знала, что шотландцы, как правило, необразованны, но чтобы до такой степени…

– Послушайте, – сказала я как могла терпеливее и вразумительнее, – почему бы вам просто не отвезти его в город? Это не так далеко, а в городе есть врач, который им займется.

Женщина подняла на меня недоумевающий взгляд:

– Какой город?

---

[8] Английское слово «nurse» означает и «медсестра», и «няня», и «кормилица».

Дугал в этом обсуждении участия не принимал: приподняв уголок занавески, он что-то высматривал в темноте за окном. Потом не спеша пошел к выходу. Едва он исчез за дверью, все мужчины умолкли.

Скоро Дугал вернулся, но не один, а с лысым; вместе с ними в комнату ворвался холодный воздух и острый, сильный запах сосновой смолы. В ответ на вопросительные взгляды мужчин Дугал покачал головой:

– Нет, поблизости ничего. Но мы должны ехать, пока все спокойно.

Я попала в поле его зрения; он постоял, подумал, затем кивнул в мою сторону:

– Она поедет с нами.

Порылся в куче тряпья на столе, достал нечто замусоленное, похожее на галстук или шейный платок, знававший лучшие дни.

Усатый был явно недоволен тем, что я буду их сопровождать.

– Почему бы не оставить ее здесь?

Дугал бросил на него нетерпеливый взгляд, но объясняться предоставил Мурте.

– Где бы ни находились красномундирники сейчас, утром они сюда обязательно заявятся, – сказал тот. – Если эта баба – английская шпионка, мы не можем рисковать и оставлять ее тут, потому что она им расскажет, куда мы направились. А если у нее с ними вражда, – он с сомнением поглядел на меня, – то мы не должны оставлять одинокую женщину, да еще в таком виде.

Лицо у него немного прояснилось; он пощупал ткань моего платья и добавил:

– Может, за нее дадут приличный выкуп. Надето на ней немного, но материя хорошая.

– Кроме того, – перебил его Дугал, – она может быть нам полезна в дороге, ведь она умеет лечить. Но сейчас у нас нет времени. Боюсь, Джейми, что не придется тебя дезинфицировать, поедешь прямо так.

Он похлопал юношу по здоровому плечу.

– Ты сможешь управляться одной рукой?

– Да.

– Славный мальчик. Вот, – добавил он, перебрасывая мне засаленную тряпку. – Перевяжи ему руку, да побыстрее. Мы должны уезжать немедленно. Вы двое приведите лошадей, – приказал он Мурте и Руперту.

Я с отвращением повертела тряпку в руках.

– Я не могу это использовать, – сказала я. – Тряпка грязная.

Огромный Дугал схватил меня за плечо; его темные глаза находились в нескольких дюймах от моих.

– Ты сделаешь это, – сказал он.

И, оттолкнув меня, зашагал к двери вслед за двумя своими приспешниками. Я была почти что в шоке, однако решила выполнить задачу и забинтовать плечо раненого по возможности лучше. Моя медицинская совесть не позволяла воспользоваться для перевязки грязным платком. Надо было найти что-то более подходящее, и, забыв о своем страхе, я начала перебирать тряпки на столе – безуспешно. Тогда я решила оторвать край своей вискозной комбинации – отнюдь не стерильной, но все же наиболее чистый материал из тех, что оказались под рукой.

Полотно на рубашке моего пациента было старое и изношенное, но на удивление плотное. Не без труда я оторвала рукав и кое-как смастерила из него перевязь. Отступила немного назад, чтобы оглядеть результаты своих усилий, и наткнулась спиной на Дугала: он незаметно вошел в комнату и наблюдал за моей работой.

Перевязка ему понравилась.

– Неплохая работа, барышня. Пошли, мы уже готовы.

Он вручил женщине монету и вывел меня из коттеджа; Джейми, все еще очень бледный, следовал за нами. Поднявшись со скамейки, мой пациент оказался очень высоким, на несколько дюймов выше весьма рослого Дугала.

Чернобородый Руперт и Мурта держали на дворе шесть лошадей и негромко говорили им по-гэльски что-то ласковое. Луны не было, но в свете звезд металлические части сбруи поблескивали, словно ртуть. Я подняла голову и замерла в изумлении: никогда еще я не видела такого количества, такого великолепия звезд. Опустив глаза и окинув взглядом окрестный лес, я поняла, в чем дело. Ни один город здесь не бросал на небо отсвет своих огней, и звезды утвердили неоспоримое господство над ночью.

И тут я замерла; холод куда более сильный, нежели прохлада ночи, пробежал по телу. Никаких городских огней… Женщина в доме спросила: «Какой город?» За годы войны я привыкла к затемнениям и воздушным налетам, и поначалу отсутствие света не встревожило меня. Но сейчас мирное время и огни Инвернесса должны быть видны издалека, на много миль.

В темноте фигуры мужчин утратили определенные очертания, превратились в бесформенную массу. Я подумала о том, чтобы ускользнуть в лес, но Дугал, очевидно, прочитавший мои мысли, схватил меня за локоть и подтолкнул к лошадям.

– Джеймс, садись в седло, – сказал Дугал. – Девица поедет с тобой.

Он стиснул мой локоть.

– Ты можешь держать поводья, если Джеймс не управится одной рукой, но позаботься о том, чтобы не отставать от нас. Если попробуешь что-нибудь выкинуть, я тебе перережу глотку. Поняла?

Я только кивнула – сухость сковала горло, и я не могла выговорить ни слова. Голос у Дугала был не слишком угрожающий, но я поверила каждому его слову. «Выкидывать» я ничего не собиралась – попросту не знала, что можно предпринять. Я не знала, где я, кто такие мои спутники, почему мы уезжаем столь поспешно и куда направляемся, но у меня не было разумных оснований для того, чтобы ехать с ними. Я беспокоилась о Фрэнке, который, конечно, давным-давно хватился меня и начал разыскивать, но упоминать о нем здесь вряд ли стоило.

Дугал, как видно, догадался о моем ответе, потому что отпустил мою руку и наклонился ко мне. Я стояла, глупо уставившись на него, а он прошипел:

– Вашу ногу, барышня! Дайте вашу ногу! – Потом сердито: – Левую ногу, левую!

Я поспешно исправила ошибку, убрала правую ногу и поставила ему на руку левую, а он, негромко ворча, помог мне забраться в седло и усадил Джейми, который придвинул меня к себе поближе здоровой рукой.

При всей нелепости моего положения я была невольно признательна молодому шотландцу за его тепло. От него пахло лесом, кровью, немытым мужским телом, однако ночная прохлада пробирала меня под легким платьем, и я была рада теснее прижаться к нему.

Мы почти бесшумно двинулись сквозь звездную ночь, только уздечки позвякивали еле слышно. Мужчины не вели разговоров, соблюдая величайшую осторожность. Едва мы выбрались на дорогу, лошади перешли на рысь; меня подбрасывало в седле, отбивая всякое желание беседовать, даже если бы кто-то изъявил желание меня слушать.

Мой спутник, казалось, не испытывал никаких неудобств, несмотря на то что не владел правой рукой. Его бедра прижимались к моим, я чувствовала, когда он расслабляет или напрягает их, управляя лошадью. Я вцепилась в край седла, чтобы усидеть; мне раньше приходилось ездить верхом, но я отнюдь не могла равняться с таким всадником, как Джейми.

Немного погодя мы остановились на перекрестке, предводитель и лысый начали о чем-то негромко совещаться. Джейми тем временем бросил поводья коню на шею и пустил его на обочину пощипать траву, сам же принялся с чем-то возиться и крутился в седле.

– Поосторожнее, – предупредила я. – Не вертитесь так, не то повязка соскочит. Что вы там делаете?

– Пытаюсь размотать плед, чтобы накрыть вас, – ответил он. – Вы дрожите. Но мне никак с этим не справиться одной рукой. Вы не поможете мне расстегнуть застежку на броши?

Порядком повозившись, мы наконец высвободили плед. И после этого Джейми на удивление быстрым и ловким движением закинул плед себе на спину, а концы его набросил мне на плечи и подсунул под край седла. Таким образом мы с ним оказались оба тепло укутаны.

– Ну вот! – сказал Джейми. – Мы вовсе не хотим заморозить вас по дороге.

– Спасибо! – от всей души поблагодарила я. – Но куда же мы едем?

Я не видела его лица, поскольку он сидел у меня за спиной. Он немного помолчал, потом коротко рассмеялся и сказал:

– По правде говоря, я не знаю. Полагаю, мы оба узнаем это, когда прибудем на место.

В очертаниях окружающей местности мне показалось что-то знакомое. Я определенно уже когда-то видела этот громадный каменный массив, чем-то напоминающий петушиный хвост.

– Кокнаммон-Рок! – воскликнула я.

– Это точно, – отозвался мой спутник, ничуть не потрясенный моим открытием.

– Но разве англичане не устраивают там засады? – спросила я, припомнив нудные подробности местной истории, которыми Фрэнк потчевал меня всю последнюю неделю. – Если поблизости есть английский патруль… – тут я запнулась.

Если поблизости имеется английский патруль, мне не стоит привлекать к этому внимание. И если где-то здесь устроена засада, то ведь я, по существу, неотделима от Джейми, с которым мы закутаны в один плед. Я снова вспомнила о капитане Рэндолле и невольно вздрогнула. Все, с чем я столкнулась после того, как прошла в отверстие между каменными глыбами хенджа, приводило к единственному, совершенно иррациональному выводу: человек, которого я встретила в лесу, является прадедом Фрэнка в шестом колене. Все во мне противилось такому заключению, но факты – вещь упрямая.

Поначалу я вообразила, что вижу необычайно близкий к живой действительности сон, но поцелуй Рэндолла, грубо фамильярный и вполне реальный, развеял это впечатление. В равной степени не был воображаемым удар, полученный мной по голове от Мурты: шишка болела ничуть не меньше, чем натертые седлом ноги, и эта последняя боль тоже была вполне реальной. А кровь… Я достаточно повидала ее в действительности и, разумеется, могла увидеть во сне, но запах крови, исходящий от человека, сидевшего позади меня на лошади, не мог присниться: я отчетливо улавливала его, теплый и отдающий медью.

Джейми, причмокнув губами, подогнал своего коня поближе к предводителю и негромко заговорил с ним по-гэльски. Всадники медленно тронули лошадей.

По сигналу предводителя Джейми, Мурта и лысый приотстали, а остальные двое пришпорили коней и галопом поскакали направо, к скалам, виднеющимся примерно в четверти мили. Взошел месяц, высветил даже листья мальв при дороге, но темные тени в проходах между камней могли скрывать что угодно.

Едва галопирующие всадники поравнялись со скалами, как сверкнул огонь и из камней послышался мушкетный выстрел. Позади меня раздался леденящий кровь вскрик, лошадь рванулась вперед, словно получила внезапный удар по крупу. Мы понеслись к скалам по вересковой пустоши, Мурта и все остальные тоже, в ночном воздухе разносились дикие крики и вопли, от которых волосы вставали дыбом.

В страхе за жизнь я прильнула к луке седла. Неожиданно Джейми свернул к высокому кусту дрока, ухватил меня поперек туловища и бесцеремонно швырнул прямо в этот куст. Лошадь резко развернулась и понеслась прочь, обогнув каменный выступ с южной стороны. Я успела разглядеть пригнувшегося к седлу всадника, и лошадь скрылась в тени скалы. Когда она появилась вновь, по-прежнему скача галопом, в седле уже никого не было.

Скалы стояли, окутанные тенью; до меня доносились выкрики и отдельные мушкетные выстрелы, но я не могла определить, двигались ли там люди, или то раскачивались чахлые дубки, которые торчали там и сям на камнях.

Из куста я выпуталась не без труда, пришлось вытаскивать колючие обломки веток из платья и волос. Я лизнула царапину на руке и стала размышлять, что же, черт подери, мне предпринять теперь. Дожидаться на месте конца стычки? Если шотландцы победят или хотя бы уцелеют, они, вероятно, вернутся за мной. Если нет, то меня могут обнаружить англичане, и тогда они решат, что, поскольку я была вместе с шотландцами, я на их стороне или в союзе с ними. В каком союзе, я не имела представления, но совершенно очевидно, судя по разговорам в коттедже, что союз этот англичанам враждебен.

Вероятно, для меня лучше всего не присоединяться ни к одной из сторон. В конце концов, теперь я знала, где нахожусь, и могла бы вернуться в известные мне город или деревню, даже если придется всю дорогу идти пешком. И я решительно направилась к дороге, то и дело натыкаясь на гранитные выступы – незаконные отпрыски Кокнаммон-Рока.

Лунный свет делал дорогу обманчивой; все виделось ясно, но уплощенно – прижатые к земле листья и острые камни казались одинаково высокими, и я то нелепо высоко поднимала ногу над несуществующим препятствием, то больно спотыкалась о торчащий из земли камень.

Звуки стычки утихли к тому времени, как я добралась до дороги. Я понимала, что вся на виду, но мне приходилось идти, если я хотела попасть в город. Я не обладаю чувством направления в темноте и способностью ориентироваться по звездам, Фрэнк не научил меня этому. Мысль о Фрэнке вызвала желание заплакать, и я постаралась отвлечься, осмысливая то, что произошло во второй половине дня.

Это казалось непостижимым, однако все свидетельствовало о том, что я нахожусь в каком-то месте, где все еще сохранялись обычаи восемнадцатого века. Можно было бы принять происходящее за некоторое костюмированное представление, если бы не рана и травма юноши по имени Джейми. Его рана явно нанесена чем-то очень похожим на мушкетную пулю. И поведение мужчин в коттедже нисколько не напоминало актерскую игру. То были вполне серьезные люди с настоящими кинжалами и мечами.

Может, это некая изолированная область, как говорится, анклав, где сельские жители периодически воспроизводят события собственной истории? Я слышала о подобных вещах в Германии, но ни разу – в Шотландии.

«К тому же ты, голубушка, никогда не слышала об актерах, стреляющих друг в друга из мушкетов», – со злой усмешкой подсказала мне неприятно рациональная часть моего сознания.

Я оглянулась назад, чтобы определить свое положение, потом посмотрела вперед, на линию горизонта, – и мне сделалось зябко. Вдали я не увидела ничего, кроме косматых верхушек сосен, непроглядно черных на фоне усыпанного звездами неба. Где же огни Инвернесса, куда они подевались? Если позади меня Кокнаммон-Рок – а это именно так, – то Инвернесс находится не более чем в трех милях к юго-западу. На таком расстоянии я непременно должна бы увидеть зарево городских огней в небе.

Дрожь сотрясала меня, я обхватила себя крест-накрест ладонями за локти, чтобы немного согреться. Допустив на мгновение совершенно неправдоподобную мысль, что я нахожусь не в моем, а каком-то ином времени, следует помнить, что Инвернессу как-никак

шестьсот лет, стало быть, он на месте. Но его огней не видно. Учитывая обстоятельства, их не может быть при отсутствии электричества. Вот еще одно доказательство, только нужно ли оно? И доказательство чего, собственно говоря?

Темная фигура человека выступила передо мной на дороге так близко, что я едва на него не налетела. Подавив готовое вырваться восклицание, я повернулась, чтобы убежать, но большая рука ухватила меня за предплечье и предотвратила бегство.

– Не пугайтесь, девушка. Это же я.

– Именно этого я и боюсь, – отрезала я, хоть на самом деле испытала облегчение оттого, что это Джейми.

Я опасалась его меньше, чем остальных мужчин, пусть даже он выглядел не менее грозно, чем они. Он же совсем молодой, моложе меня. Кроме того, довольно трудно внушить себе страх перед тем, кто оказался твоим пациентом.

– Надеюсь, вы осторожно обращались со своим больным плечом, – заговорила я тоном госпитальной матроны; может, выступая в роли старшей, мне удастся убедить его отпустить меня.

– Если бы я и хотел, все равно бы ничего не вышло, – заявил он, растирая плечо другой рукой.

В ту же минуту он ступил на освещенное луной место на дороге, и я увидела на его рубашке огромное пятно крови. Артериальное кровотечение? Но тогда почему он еще держится на ногах?

– Вы ранены! – воскликнула я. – Ваша прежняя рана открылась или это свежая? Сядьте и дайте мне посмотреть.

Я подтолкнула его к груде валунов, поспешно припоминая способы оказания первой помощи в полевых условиях. И ничего нет под рукой, кроме того, что надето на мне. Я уже потянулась за остатками подола моей комбинации, чтобы сделать жгут и остановить кровотечение, но тут Джейми рассмеялся.

– Да нет, вы не берите это в голову, девушка. Кровь не моя. Во всяком случае, большая часть, – сказал он, осторожно отдирая от своего тела намокшую от крови ткань рубашки.

– Ах вот что, – слабым голосом выговорила я и проглотила слюну, потому что меня вдруг затошнило.

– Дугал и остальные ждут на дороге, – продолжал Джейми. – Пошли.

Он потянул меня за руку – отнюдь не из любезности, а скорее чтобы принудить следовать за ним. Я решила испытать судьбу и уперлась покрепче каблуками в землю.

– Нет! Я с вами не пойду!

Он остановился, удивленный моим сопротивлением.

– Да нет, пойдете.

Нельзя сказать, что мой отказ его рассердил, скорее позабавил – как это я посмела возражать против нового похищения.

– А что, если я не соглашусь? Вы перережете мне глотку? – спросила я, намеренно обостряя ситуацию.

Джейми посоображал, взвешивая возможности, и ответил спокойно:

– Конечно нет. Вы не тяжелая. Если не пойдете сами, подниму вас, положу себе на плечо и понесу. Хотите, чтобы я это сделал?

Он шагнул ко мне, и я поспешно отступила. Я ничуть не сомневалась, что он так и поступит, несмотря на рану и травму сустава.

– Нет! Вам нельзя этого делать, вы снова повредите сустав.

Его черты были неясны, но в лунном свете зубы сверкнули в улыбке.

– Ладно, если вы не хотите, чтобы я себе навредил, значит, пойдете со мной сами.

Я не знала, что ему ответить. Он снова крепко взял меня за руку, и мы пошли к дороге.

Джейми подхватывал меня, когда я спотыкалась о камень или кустик травы. Сам он шагал по неровной вересковой пустоши так уверенно, словно это было мощеное шоссе в свете белого дня. Я со злостью подумала, что у него кошачье зрение, потому он и нашел меня в темноте.

Остальные мужчины, как и сообщил Джейми, ждали с лошадьми неподалеку на дороге. Очевидно, они не понесли потерь – все были налицо. Кое-как, не заботясь о собственном достоинстве, я вскарабкалась на лошадь и плюхнулась в седло. Нечаянно ткнула головой Джейми в больное плечо, он от боли со свистом втянул в себя воздух.

Сугубой официальностью тона я старалась возместить свою обиду на то, что меня снова взяли в плен, и досаду на то, что невольно причинила боль раненому.

– Так вам и надо, угораздило же вас шастать среди кустарника и камней. Я велела вам не беспокоить больной сустав. Наверняка теперь у вас порваны мускулы, да и ушибов, я думаю, прибавилось.

Его, казалось, насмешила моя воркотня.

– Ну, у меня особого выбора-то не было. Если бы я не двигал этим суставом, мне, скорее всего, не пришлось бы двигать вообще ничем. Я могу справиться одной рукой с одним, а то и с двумя красномундирниками, – заявил он не без гордости, – но с тремя, пожалуй, нет. А кроме того, – он слегка притянул меня к себе, и я прижалась спиной к его пропитанной кровью рубашке, – вы опять вправите мне кость, когда мы приедем на место.

– Это вы так считаете, – холодно ответила я и отстранилась от липкой ткани.

Джейми причмокнул губами, понукая лошадь, и мы тронулись в путь. Все мужчины были в исключительно веселом настроении после стычки, то и дело шутили и смеялись. Мое минимальное участие – предупреждение о засаде, вернее напоминание о ее возможности, – превознесли до небес и пили за мое здоровье из фляжек, которые были у каждого члена отряда.

Мне тоже предложили выпить, но я отказалась под предлогом, что хочу сидеть в седле трезвой. Из разговора я поняла, что произошла перестрелка с небольшим английским патрулем, вооруженным саблями и мушкетами.

Джейми тоже протянули фляжку, и до меня донесся запах горячей ароматной смеси, когда он начал ее пить. Я не страдала от жажды, однако от напитка немного пахло медом, и это напомнило мне, что я сильно и давно голодна. В животе, видимо, в знак протеста против полного небрежения с моей стороны, раздалось громкое бурчание.

– Эй, Джейми-паренек? Ты что, голоден? Или волынку захватил с собой? – крикнул Руперт, ошибочно определив источник звука.

– Достаточно голоден, чтобы даже волынку съесть, – отозвался Джейми, галантно приняв вину на себя.

Через минуту он протянул мне фляжку.

– Выпейте-ка глоточек, – шепнул он. – Сытой не станете, но по крайности забудете про голод.

Я надеялась, что забуду и еще кое о чем. Взболтнула жидкость во фляжке и сделала глоток.

С моим спутником все было в порядке; виски зажгло небольшой огонек, который приятно горел у меня в желудке, облегчая муки голода. Несколько миль мы проехали без всяких происшествий, совершая повороты то при помощи поводьев, то под воздействием фляжки с виски. Однако возле развалин какого-то коттеджа дыхание моего спутника изменилось и сделалось прерывистым и тяжелым. Наше общее относительное равновесие, до сих пор сопровождаемое более или менее рискованным покачиванием, внезапно нарушилось. Я засмущалась, но, в конце концов, если уж я не чувствую себя пьяной, то Джейми и подавно трезв.

– Стоп! На помощь! – закричала я в следующую минуту. – Он сейчас упадет!

Я отлично помнила свой последний спуск и совсем не была склонна его повторять.

Темные тени закрутились вокруг нас, взволнованно переговариваясь. Джейми, подавшись головой вперед, свалился с седла, словно мешок камней, к счастью – прямо кому-то на руки. Все остальные тотчас спешились и уложили Джейми на землю, пока я слезала с коня.

– Он дышит, – сказал кто-то.

– Это весьма отрадно, – огрызнулась я, поспешно нащупывая в темноте пульс.

В конце концов я его обнаружила; пульсация была хоть и частая, но сильная. Положив руку Джейми на грудь и приникнув ухом к его губам, я почувствовала, что дышит он равномерно, без напугавших меня хриплых перебоев. Я выпрямилась.

– Я думаю, у него всего лишь обморок, – сказала я. – Положите ему под ноги седельную сумку и, если можно, дайте воды.

К моему удивлению, все мои приказания выполнялись точно и незамедлительно. Юноша, как видно, много значил для них. Он застонал и открыл глаза, два темных отверстия в свете звезд. Лицо при этом слабом освещении напоминало череп, белая кожа туго обтягивала кости вокруг орбит.

– Я в полном порядке, – произнес Джейми и попытался сесть. – Просто немного закружилась голова.

Я уперлась ладонью ему в грудь и заставила лечь.

– Лежите спокойно, – приказала я и, ощупав его плечо и грудь, повернулась к темной фигуре, которую я по размерам приняла за Дугала, их предводителя. – Огнестрельная рана снова кровоточит, к тому же этого идиота полоснули ножом. Полагаю, что рана от ножа не слишком опасна, но он потерял очень много крови. Рубашка насквозь промокла, но я не знаю, сколько здесь его собственной крови. Ему нужен отдых, и мы должны остаться тут по крайней мере до утра.

Темная фигура отрицательно мотнула головой.

– Нет. Мы достаточно далеко от гарнизона, чтобы оттуда рискнули на нас напасть, но надо принять во внимание караулы. Ехать нам еще не меньше пятнадцати миль.

Большая темная голова запрокинулась назад, Дугал наблюдал положение звезд.

– Сейчас никак не меньше пяти часов, даже, пожалуй, ближе к семи. Мы можем задержаться тут, пока вы остановите кровотечение и перевяжете рану, но не дольше.

Я принялась за дело, негромко ругаясь себе под нос, а Дугал распорядился, чтобы один из мужчин держал лошадей и наблюдал за дорогой. Остальные отдыхали, потягивая из фляжек и тихо переговариваясь. Мурта помогал мне – разрывал материю на полосы, подавал воду и приподнимал при необходимости раненого, которому запрещено было двигаться самому, хотя он бурчал, что чувствует себя отлично и все это ни к чему.

– Вы можете чувствовать себя отлично, и это немудрено, – цыкнула я на него, давая выход собственным опасениям и возбуждению. – Каким идиотом надо быть, чтобы, получив ножевое ранение, даже не остановиться и не перевязать рану? И почему вы не сказали, какое сильное у вас кровотечение? Ваше счастье, что вы не умерли, шастая по окрестностям всю ночь, затевая ссоры и драки. Да еще с лошади свалился… лежи смирно, чертов дурень!

Полосы вискозного шелка и полотна, которыми мне приходилось пользоваться, с поразительной легкостью куда-то все время ускользали в темноте, словно живая рыба из-под пальцев – сверкнет серебристым брюшком и уйдет на глубину. Несмотря на холод, пот струйками стекал по шее. Наконец я с великим трудом связала концы спереди и потянулась за другими, упорно прячущимися за спиной пациента.

– Где же оно… вы… о чертов ублюдок, что ты натворил!

Джейми шевельнулся, и первый узел развязался.

На мгновение воцарилась ошеломляющая тишина.

– Господи Иисусе, – заговорил Руперт, – никогда не слыхал, чтобы женщина употребляла подобные выражения.

– Тогда ты, значит, никогда не встречался с моей теткой Гризел, – под всеобщий смех произнес чей-то еще голос.

– Твой муж отдубасил бы тебя, женщина, – донесся из черной тени под деревом очень строгий голос. – Святой Павел говорит: «Принуди женщину к молчанию и…»

– Занимайтесь, черт побери, собственным делом, – огрызнулась я, чувствуя, как пот собирается за ушами. – И святой Павел тоже.

Я вытерла рукавом лоб.

– Поверните его на левый бок. А вы, – обратилась я к своему пациенту, – если вы шевельнете хоть одним мускулом, пока я завязываю этот бинт, я вас задушу!

– Понятно, – кротко отозвался он.

Я слишком сильно потянула последний бинт за концы, и он вырвался у меня из рук.

– Чтоб его к дьяволу в пекло унесло! – прорычала я, от злости и обиды хлопнув рукой по земле.

Наступила та же ошеломляющая тишина, потом, пока я нащупывала в темноте потерянный бинт, прозвучал дальнейший комментарий по поводу моих неженственных словесных оборотов.

– Может, ее следует отправить в монастырь Святой Анны, Дугал, – предложил некто с неопределенно белевшим лицом, сидя на корточках у дороги. – Я не слыхал, чтобы Джейми ругался, с тех пор как мы уехали с побережья, а ведь он, бывало, позволял себе такое, от чего даже матрос покраснеет. Четыре месяца в монастыре сделали свое дело. Ты теперь не употребляешь имя Божие всуе, а, паренек?

– Ты бы тоже не употреблял, ежели бы на тебя наложили епитимью и заставили в феврале пролежать на каменном полу в часовне целых три часа после полуночи в одной рубашке, – ответил мой подопечный.

Мужчины расхохотались, а Джейми продолжал:

– Епитимья-то была на два часа, остальное время понадобилось, чтобы подняться с пола. Я уж решил, что мои… то есть я думал, что примерз к плитам, но оказалось, просто одеревенел от холода.

Он явно чувствовал себя лучше. Я невольно улыбнулась, но произнесла как можно строже:

– Веди себя тихо, а то стукну.

Он осторожно прикоснулся к повязке, но я убрала его руку.

– Угрожаешь? – сказал он. – Подумать только, ведь мы выпивали вместе!

Фляжка обошла мужчин по кругу. Дугал опустился на колени рядом со мной и протянул фляжку раненому, чтобы тот хлебнул из нее. Из горлышка ударил запах очень крепкого виски, и я отстранила ее рукой.

– Не надо больше спиртного, – сказала я. – Ему нужен чай, в крайнем случае вода, но ни в коем случае не алкоголь.

Дугал, не повернувшись ко мне, отобрал у меня фляжку и налил порядочную порцию пахучей жидкости раненому прямо в рот. Джейми закашлялся. Подождав ровно столько, сколько нужно было юноше, чтобы выровнять дыхание, Дугал повторил процедуру.

– Прекратите же! – Я снова потянулась к фляжке. – Вы что, хотите напоить его так, чтобы он на ноги не мог встать?

Меня грубо оттолкнули локтем.

– Женщина, не лезь не в свое дело, – жестко произнес Дугал. – Нам предстоит нынче ночью долгая дорога, и ему понадобится вся сила, которую может дать выпивка.

Когда перевязка была закончена, раненый попытался сесть.

Я уложила его обратно и коленом придавила ему грудь.

– Не двигайтесь! – яростно приказала я, ухватила Дугала за подол килта и дернула изо всех сил так, что он снова опустился на колени рядом со мной. – Взгляните вот на это, – предложила я тоном строгой палатной сестры и сунула ему в руку мокрую и липкую от крови рубашку Джейми, вернее, ее обрывки.

Дугал с отвращением отбросил окровавленные тряпки. Тогда я положила его ладонь раненому на плечо.

– Чувствуете? У него резаная рана трапециевидного мускула.

– Это меня штыком, – пояснил Джейми.

– Штыком! – воскликнула я. – А почему вы мне об этом не сказали?

Он пожал плечами, но тотчас негромко застонал от боли.

– Я чувствовал, как он ткнул меня, но не знал, насколько оно серьезно. Болело не очень.

– А сейчас болит?

– Болит, – коротко ответил он.

– Прекрасно, – заявила я, совершенно выведенная из себя. – Вы это заслужили. Будете знать, как носиться по горам, похищать молодых женщин, и у-убивать людей, и…

Я почувствовала, что сейчас зареву, и замолчала, стараясь овладеть собой.

В результате этого разговора Дугал окончательно потерял терпение:

– Ладно, ты можешь как следует сидеть верхом, парень?

– Он никуда не может ехать! – запротестовала я. – Он должен находиться в больнице. Конечно же, он не может…

На мои протесты, как и прежде, не обратили никакого внимания.

– Ты можешь ехать верхом? – повторил Дугал.

– Да, если вы уберете барышню с моей груди и дадите мне чистую рубашку.

Глава 4. Я прибываю в замок

Остаток путешествия не был ознаменован какими-либо примечательными событиями, если вам не кажется примечательной ночная поездка верхом по весьма пересеченной местности, как правило, по бездорожью, в обществе вооруженных до зубов мужчин в килтах и при этом на одной лошади с раненым. По тем стандартам, к которым я уже начала привыкать, все это не выходило за рамки обыкновенного.

Светлые полосы занимающейся утренней зари протянулись над моховым болотом. Конечный пункт нашей поездки возник впереди в виде огромной массы темного камня, обведенной серой каймой света.

Окрестности уже не были тихими и пустынными. Цепочка плохо одетых людей тянулась по направлению к замку. Они отступали на обочину, чтобы пропустить скачущих рысью лошадей, и с любопытством рассматривали мое одеяние, явно казавшееся им чужеземным.

Густой туман еще не рассеялся, но было достаточно света, чтобы разглядеть каменный мост, аркой перекинутый через неширокий поток, бежавший мимо замка вниз к мерцавшему примерно в четверти мили отсюда озеру.

Очертания замка были грубыми и простыми. Никаких причудливых башенок или зубчатых стен. Он походил на хорошо укрепленный дом с толстыми каменными стенами и высокими узкими окнами. Несколько труб дымились над гладкой черепичной крышей, усиливая господствующий серый колорит.

Ворота замка были достаточно широки: в них свободно могли проехать две телеги одновременно. Я могу это утверждать без опасения впасть в неточность, потому что именно это произошло, когда мы въехали на мост. Одна телега, запряженная волами, была нагружена бочками, вторая – сеном. Наша маленькая кавалькада сгрудилась на мосту, нетерпеливо ожидая, пока телеги минуют проезд в ворота.

Когда лошади ступили на скользкие камни сырого двора, я решилась задать вопрос. С моим спутником я не обменялась ни единым словом с того самого времени, как я перевязывала его на дороге. Он, как и я, молчал, если не считать негромких восклицаний от боли при неверном шаге лошади.

– Где мы? – спросила я голосом, хриплым от холода и долгого молчания.

– У башен Леоха, – коротко ответил Джейми.

Замок Леох. Так, теперь я, по крайней мере, знаю, где нахожусь. В мое время он являл собой живописные руины милях в трех от Баргреннана. В данный момент он, несомненно, был еще живописнее благодаря свиньям, роющимся у стен башни, и всепроникающей вони свежих нечистот. Я начала наконец мириться с невероятной мыслью о том, что попала именно в восемнадцатый век.

Я была уверена, что в Шотландии 1945 года нигде нет подобной грязи и беспорядка, хоть бы и после бомбежек. А мы точно в Шотландии: выговор людей во дворе не оставлял в этом никакого сомнения.

– Эй, Дугал! – крикнул оборванный конюх, подбегая, чтобы принять поводья коня у предводителя. – Ты рано вернулся, мы никак не думали увидеть тебя до собрания.

Руководитель нашей маленькой группы соскочил с седла, бросив поводья неопрятному юнцу.

– Да, это хорошо, нам повезло и на доброе, и на дурное. Я хочу сразу же повидаться с братом. Можно ли вызвать миссис Фиц, чтобы она накормила ребят? Они очень нуждаются и в завтраке, и в отдыхе.

Он кивком приказал Мурте и Руперту следовать за ним, и они вошли под стрельчатую арку входа.

Все мы спешились и добрых десять минут дожидались на мокром дворе, пока миссис Фиц, кто бы она там ни была, соблаговолит появиться. Целая орава любопытствующих ребятишек собралась вокруг нас, высказывая разнообразные предположения о моем возможном происхождении и предназначении. Наиболее нахальные из них набрались храбрости подергать меня за платье, но тут из дома вышла высокая полная леди в темно-коричневом домотканом платье и прогнала их.

– Уилли, милый ты мой! – воскликнула она. – Как я рада тебя видеть! И Недди!

Она приветствовала маленького лысого человечка сердечным поцелуем, от которого он едва не свалился на землю.

– Я думаю, вам нужен завтрак. В кухне все готово, идите и поешьте.

Повернувшись затем ко мне и Джейми, она в ошеломлении попятилась, словно ее укусила змея. Разинув рот, она глядела на меня, потом перевела взгляд на Джейми, ожидая объяснения феномена.

– Клэр. – Он кивком указал на меня. – А это миссис Фицгиббонс, – добавил он, кивнув на нее. – Мурта нашел ее вчера, и Дугал сказал, что мы должны взять ее с собой.

Таким образом он дал понять, что его вины тут нет.

Миссис Фицгиббонс закрыла рот и принялась изучать меня придирчивым, оценивающим взглядом. Должно быть, она пришла к заключению, что я достаточно безопасна вопреки странному и скандальному появлению, потому что улыбнулась – приятной улыбкой, несмотря на отсутствие нескольких зубов. Протянула мне руку.

– Очень приятно, Клэр. Добро пожаловать. Пойдемте со мной, и мы найдем для вас что-нибудь более… ммм…

Она посмотрела на мое короткое платье и неподходящие туфли и покачала головой.

Она уже уводила меня твердой рукой, как вдруг я вспомнила о своем пациенте.

– Подождите, пожалуйста! Я забыла про Джейми.

Миссис Фицгиббонс удивилась:

– Что вы, Джейми сам о себе позаботится. Он знает, где найти еду, а кто-нибудь приготовит ему постель.

– Но он ранен. Его ранили пулей вчера, а потом ночью еще и штыком. Я перевязала рану наспех, чтобы он мог ехать верхом, но у меня не было возможности промыть ее как следует и перевязать по-настоящему. Я должна сделать это сейчас, пока в раны не попала инфекция.

– Инфекция?

– Ну да, я имею в виду воспаление, понимаете? Гной, опухоль и лихорадка.

– А, вот оно что, поняла теперь. Вы хотите сказать, что умеете все это? Значит, вы знахарка? Как Битон?

– Нечто вроде.

Я понятия не имела, кто такой Битон, но у меня не было ни малейшего желания обсуждать с кем-то мою медицинскую квалификацию, стоя на сыром и холодном дворе. Миссис Фицгиббонс, очевидно, была женщиной сообразительной, потому что подозвала Джейми, который уже удалялся в противоположном направлении, взяла его тоже за руку и повела нас обоих в замок.

После долгого странствования по тесным холодным коридорам, лишь слабо освещенным из узких окон, мы пришли в большую красивую комнату, где стояли кровать и несколько стульев и где, самое главное, горел камин.

Я на время забыла о своем подопечном ради того, чтобы погреть руки. Миссис Фицгиббонс, явно нечувствительная к холоду, усадила Джейми на стул возле камина и осторожно сняла с него остатки изорванной рубашки, заменив их теплым пледом с кровати. Она раскудахталась над его плечом, посиневшим и распухшим, и потрогала мою нелепую перевязку.

Я повернулась от огня.

– Я думаю, повязку надо отмочить и снять, а рану промыть раствором… таким раствором, который предотвратит лихорадку.

Из миссис Фицгиббонс вышла бы великолепная сестра.

– Что вам понадобится? – спросила она просто.

Я призадумалась. Чем пользовались люди для обеззараживания в то время, когда не было антибиотиков? К тому же требуется найти их в примитивном шотландском замке чуть ли не на рассвете!

– Чеснок! – радостно воскликнула я. – Чеснок и еще волшебный орех[9], если он у вас есть. Понадобятся чистые полотняные тряпки и котелок, чтобы вскипятить воду.

– Хорошо, хорошо, с этим мы справимся. А не нужно ли заварить укрепляющий чай из ромашки? Мальчик выглядит так, словно ночь была для него слишком трудной.

Молодой человек и в самом деле шатался от слабости, настолько измученный, что не протестовал, когда мы обсуждали его, словно неодушевленный предмет.

Миссис Фицгиббонс скоро вернулась, неся в подоле фартука головки чеснока, матерчатые мешочки с сухими травами и разорванное на длинные полосы старое полотно. На той же мясистой руке, которой она поддерживала край фартука, висел небольшой черный котелок, а в другой руке была большая оплетенная бутыль с водой.

– Скажите мне, милая моя, чем я могу быть полезной? – бодро спросила миссис Фицгиббонс.

Я попросила ее подвесить котелок с водой над огнем, почистить чеснок, а сама обследовала содержимое мешочков с травами. Нашла и волшебный орех, и другие нужные для чая травы, а также нечто, определенное мною на вкус как вишневая кора.

– Болеутоляющее, – радостно бормотала я, припоминая сведения об употреблении трав и коры различных растений, сообщенные мне мистером Круком.

Я опустила в кипящую воду очищенный чеснок и волшебный орех, а также несколько полос полотна. Укрепляющий чай настаивался в маленькой кастрюльке возле огня. Все эти приготовления немного успокоили меня. Если я все еще не знала с уверенностью, где и почему нахожусь, то знала по крайней мере, чем должна заниматься в ближайшие четверть часа.

– Благодарю вас, миссис Фицгиббонс, – сказала я как можно уважительнее. – Теперь я справлюсь и одна, если у вас есть другие дела.

Грудь дамы-великана заколыхалась от смеха.

– Девочка моя, дел-то у меня просто по горло! Я пошлю вам сюда похлебки. Если что понадобится, зовите меня.

Она покатилась к выходу с неожиданной быстротой и скрылась за дверью.

Я снимала повязку как могла осторожнее. Накладка из вискозы прилипла к ране и отставала с легким хрустящим звуком подсохшей крови. Капли свежей крови медленно проступали по краям раны, и я попросила у Джейми прощения за то, что причиняю ему боль, хотя он не пошевельнулся и не издал ни звука.

Он слегка улыбнулся – даже не без кокетства, этак игриво.

– Не волнуйтесь, барышня. Мне причиняли гораздо более сильную боль, и делали это люди совсем не такие красивые.

Он наклонился вперед, чтобы мне удобно было обмыть рану отваром чеснока, и плед соскользнул с его плеч.

---

[9] Волшебный орех, иначе гамамелис виргинский, – кустарник с желтыми цветами; плоды настаивают на спирту и настойку используют как антисептическое и вяжущее средство.

И я воочию убедилась, что его слова были несомненной констатацией факта: ему причиняли невероятную боль. Верхнюю часть спины сплошь покрывали пересекающиеся побелевшие рубцы. Его жестоко пороли, и не один раз. В тех местах, где рубцы пересекались, образовалась белесоватая келоидная ткань, а там, где кнут хлестнул дважды по одному и тому же месту, виднелись неправильной формы пятна и даже углубления в коже.

Я, разумеется, повидала на своем веку немало ран и травм, будучи военной медсестрой, но в рубцах, увиденных мною сейчас, было нечто особенно жестокое. Мое дыхание, как видно, выдало волнение, потому что Джейми обернулся и перехватил мой остановившийся взгляд. Он передернул здоровым плечом.

– Красные мундиры. Выпороли меня дважды в одну неделю. Они сделали бы это дважды и в один день, но побоялись, что убьют меня. А какая радость пороть мертвого?

Продолжая промывать рану, я старалась, чтобы голос мой звучал ровно:

– Не поверила бы, что существуют люди, которые делают подобное с радостью.

– Ну да? А ведь вы его видели.

– Кого?

– Капитана красных мундиров, который содрал мне шкуру со спины. Если он не в полном смысле радовался, то уж точно был очень собой доволен. Куда больше, чем я, – добавил он с кривой усмешкой. – Его имя Рэндолл.

– Рэндолл!

Я не могла скрыть потрясения.

Холодные голубые глаза пристально уставились на меня.

– Вы с ним знакомы?

В голосе Джейми прозвучало подозрение.

– Нет-нет! Очень много времени назад я знала семью с такой фамилией. Давным-давно. – Разнервничавшись, я уронила тряпку, которую использовала в качестве губки. – Вот досада, придется ее снова кипятить!

Я подняла тряпку с пола и поспешила к камину, пытаясь за деловитостью скрыть смущение. Неужели именно этот капитан Рэндолл и есть предок Фрэнка с безупречным послужным списком, хвалимый герцогами и прочей знатью, любезный и вежливый даже во время сражений? А если так, то мог ли родственник моего нежного и мягкосердечного Фрэнка в любом колене нанести столь ужасающие знаки на спину этого юноши?

Я хлопотала у огня, добавляя в воду горстями чеснок и волшебный орех, окуная в настой тряпки и изо всех сил стараясь полностью овладеть собой. Решив, что теперь могу контролировать голос и выражение лица, я вернулась к Джейми.

– За что вас пороли? – спросила я.

Вряд ли это прозвучало тактично, однако мне необходимо было знать, а сформулировать фразу более деликатно мешала усталость.

Он вздохнул и беспокойно повел плечом, с которым я проделывала свои манипуляции. Он тоже очень устал, и я, без сомнения, делала ему больно, при всей своей осторожности.

– В первый раз за побег, а во второй за воровство – так они указали в списке арестованных, где перечисляют преступления.

– А откуда вы убежали?

– От англичан, – ответил он, с насмешливой улыбкой вздернув одну бровь. – Может, вы слыхали про Форт-Уильям?

– Слыхала, что он принадлежал англичанам, – в тон ему сказала я. – Чем же вы занимались в Форт-Уильяме?

Джейми свободной рукой потер лоб.

– Мне кажется, это была обструкция, так оно называется.

– Обструкция, побеги, кража. Да вы и в самом деле опасная личность! – произнесла я беззаботно, чтобы немного отвлечь его от неприятных медицинских процедур.

Это подействовало как нельзя лучше – уголок широкого рта приподнялся, и голубой глаз сверкнул на меня через плечо.

– Конечно, опасная, – сказал он. – Просто удивляюсь, как это вы, английская барышня, чувствуете себя в безопасности наедине со мной.

– В настоящий момент вы выглядите достаточно мирно.

Это была неправда: даже такой, без рубашки, весь в рубцах, испачканный кровью, с покрасневшими глазами и ввалившимися щеками после бессонной ночи, он производил достаточно грозное впечатление. Пусть и усталый, он, конечно, нашел бы в себе силы перейти в случае необходимости в нападение.

Он рассмеялся – на удивление искренним, заразительным смехом.

– Мирный, как голубок, – согласился он. – Я слишком голоден, чтобы угрожать чему-нибудь, кроме завтрака. Появись поблизости заблудшая пресная лепешка, и я не отвечаю за последствия… Ой!

– Простите, – пробормотала я. – Резаная рана, глубокая и очень грязная.

– Ничего страшного, – успокоил меня он, но даже сквозь отросшую рыжеватую щетину было заметно, как он побледнел.

Я решила продолжить разговор.

– Что такое обструкция? – спросила я. – Мне не кажется, что это большое преступление.

Он глубоко вздохнул и сосредоточенно вперил взгляд в резной кроватный столбик, так как я обрабатывала глубокую часть раны.

– Ну, думаю, что это слово у англичан в ходу, – заговорил Джейми. – В случае со мной оно означало защиту моей семьи и собственности, и во время этой защиты меня чуть не убили.

Он прикусил нижнюю губу, словно бы не хотел больше говорить об этой истории, но потом продолжил, по-видимому, отвлекаясь таким образом от своего плеча:

– Это было года четыре назад. На поместья поблизости от Форт-Уильяма наложили подать – продовольствие для гарнизона, лошади для перевозок и так далее. Нельзя сказать, что это дело кому-то пришлось по душе, но большинство уступило. Небольшие отряды солдат в сопровождении офицера разъезжали по округе с телегой или даже с двумя телегами и собирали продовольствие и вещи. И вот в октябре капитан Рэндолл явился в Л… – Джейми вдруг запнулся, быстро поглядел на меня и закончил: – В наш дом.

Я кивнула ему и сосредоточила все внимание на своей работе.

– Мы не думали, что они доберутся в такую даль. До форта расстояние большое, дорога трудная. Но они добрались. – Джейми прикрыл глаза. – Моего отца не было дома, уехал на похороны в соседнее поместье. А я был в поле вместе с другими мужчинами, потому что приближалось время жатвы, дел полным-полно. Моя сестра оставалась в доме одна, если не считать двух или трех служанок, и они все убежали наверх и попрятались, когда увидели красные мундиры. Они думали, что солдат прислал дьявол, и, говоря по правде, я не считаю, что они так уж ошибались.

Я отложила ветошку, при помощи которой обрабатывала рану. Самая неприятная часть работы кончилась; оставалось только наложить припарку – не имея ни йода, ни пенициллина, это было лучшее, что я могла сделать, – и хорошенько перевязать рану. Молодой человек не открывал глаз и, по-видимому, ничего не замечал.

– А я как раз вернулся к дому, – продолжал Джейми, – потому что мне надо было взять из амбара часть упряжи. Услышал шум, услышал, что моя сестра кричит в доме.

– Ну?

Я постаралась произнести слово как можно спокойнее и ненавязчивее, но мне ужасно хотелось узнать побольше о капитане Рэндолле. Пока что история, которую рассказывал Джейми, не расходилась с моим первым впечатлением от него.

– Я вошел в дом через кухню и увидел, что двое обшаривают кладовую и набивают ранцы мукой и беконом. Одного я хватил кулаком по голове, второго выкинул в окно вместе с его ранцем и прочей амуницией. Потом я кинулся в гостиную и нашел там свою сестру Дженни и двух солдат.

У Дженни было разорвано платье, у одного из солдат расцарапано лицо. – Он открыл глаза и улыбнулся невеселой улыбкой. – Я не стал задавать вопросов. Мы начали драться, и я вложил бы как надо им обоим, но тут вошел капитан Рэндолл. Он остановил драку самым подходящим способом – приставил к голове Дженни пистолет…

Вынужденный капитулировать, Джейми был немедленно связан солдатами. Капитан Рэндолл очаровательно улыбнулся своему пленнику и сказал: «Так-так. У нас тут две злые кошки, которые царапаются. Надеюсь, что тяжелая работа поможет исправить норов, а если не поможет, придется познакомить вас еще с одной кошкой, ее называют девятихвосткой. Но для иных кисок имеются у нас и другие лекарства. Что ты на это скажешь, славная кошечка?»

Джейми прервал свой рассказ и тяжело задвигал челюстями.

– Он заломил Дженни руку за спину и держал ее так, – продолжил Джейми через несколько секунд. – Но тут он отпустил ее, чтобы схватить за грудь.

При воспоминании об этой сцене Джейми неожиданно усмехнулся.

– Дженни изо всех сил наступила ему на ногу, а локоть впечатала прямо в живот. Он скрючился. Она извернулась и двинула его коленом в пах. – Джейми фыркнул от смеха. – Он выронил пистолет, и Дженни потянулась за ним, но один из драгун, которые держали меня, опередил ее…

Я закончила перевязку и тихо стояла возле него, положив ему руку на здоровое плечо. Мне было необходимо, чтобы он рассказал все, но я боялась, что он перестанет говорить, если вспомнит о моем присутствии.

– Когда Рэндолл очухался и начал нормально дышать, он приказал солдатам вытащить нас обоих во двор. С меня стянули рубашку, привязали к дышлу телеги, и Рэндолл начал бить меня своей саблей плашмя по спине. Он был в бешенстве, но владел собой. Бил он меня больно, но недолго. И это было не самое невыносимое.

Оттенок злой радости в голосе Джейми теперь совсем исчез, и мышцы плеча у меня под рукой напряглись.

– Он перестал бить меня и повернулся к Дженни, которую держал один драгун. Он спросил, хочет ли она посмотреть еще или предпочитает пойти с ним в дом и оказать ему более ласковый прием.

Плечо резко дернулось.

– Я не мог пошевельнуться, но я крикнул ей, что мне не больно, мне и вправду было не очень больно, и чтобы она не соглашалась ни за что, даже если мне перережут глотку у нее на глазах. Они держали ее позади меня, я не мог видеть, но по звуку догадался, что она дала ему пощечину. Должно быть, так, потому что Рэндолл после этого сгреб меня за волосы, откинул мою голову назад и приставил нож к горлу. «Я, пожалуй, приму твое предложение», – прошипел он сквозь зубы и кольнул меня ножом так, что закапала кровь. Я видел кинжал совсем близко, а капли крови падали в пыль под телегой…

Голос у него сделался какой-то сонный, и я решила, что от боли и усталости он впал в некое гипнотическое состояние и не помнил, что рядом с ним нахожусь я.

– Я хотел крикнуть сестре, сказать ей, что предпочитаю смерть ее бесчестью по вине такого мерзавца, но Рэндолл убрал кинжал с моего горла и всунул его мне между зубами. Я ничего не мог выговорить.

Джейми вытер губы, словно вновь почувствовал на них горький вкус стали. Он умолк, глядя куда-то в пространство.

– А что же произошло потом?

Мне, наверное, не следовало спрашивать, но я не удержалась.

– Она пошла с ним, – отрывисто произнес он. – Она боялась, что он убьет меня, и, наверное, не ошибалась. Что было дальше, я не узнал тогда. Драгун ударил меня по голове прикладом мушкета. Я очнулся связанный в телеге, полной цыплят, меня везли в Форт-Уильям.

– Понимаю, – как можно мягче сказала я. – Простите меня. Это было ужасно для вас.

Он вдруг улыбнулся, и выражение усталости исчезло.

– О да, цыплята не слишком приятная компания, особенно если ехать приходится долго.

Он понял, что перевязка закончена, и на пробу повел плечом, но тотчас сморщился от боли.

– Не делайте этого! – встревожилась я. – Вам нельзя двигать плечом. Ни в коем случае.

Я окинула взглядом стол, чтобы проверить, остались ли там подходящие полосы полотна.

– Сейчас прибинтую вам раненую руку к боку. Посидите спокойно.

Он не отвечал, но заметно расслабился, когда понял, что боли не будет. У меня возникло странное ощущение близости по отношению к почти незнакомому молодому шотландцу, частично, как я думала, из-за ужасной истории, которую он мне рассказал, а частично из-за того, что мы долго ехали вместе, прижавшись друг к другу в дремотном молчании, сквозь ночь. Кроме своего мужа я спала с немногими мужчинами, но заметила, что перед этим непременно возникало именно такое ощущение близости, словно бы твои собственные смутные мысли смешивались с его и накрывали обоих неким покрывалом бессознательного взаимопонимания. Атавизм, возврат к прошлому, как считала я. В старые, более простые времена («Подобные этому?» – прозвучал в голове вопрос) спать в присутствии другого человека считалось актом полного доверия. Если доверие было обоюдным, то сон рядом сближал больше, нежели телесное соединение.

Закончив бинтовать, я помогла Джейми надеть рубашку из грубого льняного полотна. Он встал, заправил одной рукой рубашку в килт и улыбнулся мне:

– Благодарю вас, Клэр. У вас легкие прикосновения.

Мне показалось, что он собирался коснуться моего лица, но передумал и опустил поднятую было руку. Кажется, он испытывал то же ощущение близости, что и я. Поспешно отведя глаза, я ответила на его благодарность небрежным жестом: пустяки!

Только теперь я пригляделась к комнате и обратила внимание на темный от сажи камин, узкие незастекленные окна, тяжелую дубовую мебель. Электрические провода отсутствуют. Полы голые. На кровати нет блестящих медных ручек.

Все это выглядело и впрямь как замок восемнадцатого века. Но как же Фрэнк? Человек, встреченный мною в лесу, был потрясающе на него похож, но, судя по тому, что рассказал о капитане Рэндолле Джейми, у него не было ничего общего с моим ласковым, миролюбивым мужем. Но если все происходящее реально – а я в глубине души начинала это признавать, – то он и в самом деле совершенно другой человек. Тот, кого я знала лишь по генеалогическим хартиям, вовсе не обязательно передал свои черты потомкам в наследство.

Но меня-то сейчас в первую очередь интересовал Фрэнк. Если я нахожусь в восемнадцатом столетии, то где же он? Я не вернулась в дом миссис Бэйрд – что он предпримет в связи с этим? Увижу ли я его когда-нибудь снова? Мысль о Фрэнке оказалась последней каплей. С того момента, как я вступила в круг каменных столбов и моя обычная жизнь кончилась, на меня нападали, мне угрожали, меня похитили и вообще принуждали. Я не ела и

не спала больше суток… Я все еще старалась сдерживать себя, но нижняя губа задрожала против воли и глаза наполнились слезами.

Я отвернулась к огню, чтобы спрятать лицо, но было поздно. Джейми взял меня за руку и ласково спросил, что случилось. Отблеск огня сверкнул на моем обручальном кольце, и я разревелась.

– О, я… я сейчас… сейчас все будет в порядке… только… мой муж… я не…

– Ах, так вы овдовели, вот оно что!

В его голосе было столько искреннего сочувствия, что я окончательно потеряла контроль над своими эмоциями.

– Нет… да… я имею в виду, что я не… да, так и есть!

Сломленная своими переживаниями и усталостью, я буквально повалилась на Джейми, истерически всхлипывая.

У него оказалась нежная душа. Он не стал звать на помощь, не отстранился от меня в смущении… Он сел и усадил меня к себе на колени при помощи здоровой руки и начал бормотать что-то доброе и ласковое мне в ухо на гэльском языке. Я горько рыдала, охваченная страхом и невыносимым стыдом, но постепенно стала успокаиваться на широкой и теплой груди человека, который гладил меня по голове и по спине. Слезы иссякли, я в изнеможении опустила голову Джейми на плечо. Смутно подумала, что не случайно его так любят лошади. Будь я лошадью, увезла бы его, куда он только захочет.

Эта нелепая мысль не слишком совпала с другой: что молодой человек не доведен до полного изнеможения. Собственно говоря, такое соображение в равной мере могло смутить нас обоих. Я откашлялась, вытерла слезы рукавом и слезла с колен утешителя.

– Простите… то есть я хочу сказать, что благодарна вам… но я… – отвернувшись от него, бормотала я с пылающим лицом.

Джейми немного покраснел, но нисколько не смутился. Он снова притянул меня к себе за руку, приподнял мой подбородок так, чтобы видеть лицо, и сказал:

– Вам не надо меня бояться. И вообще никого, пока я с вами.

Он отпустил меня и повернулся к камину.

– Вы нуждаетесь в горячем, – продолжал он тоном, не допускающим возражения. – Нужно чего-нибудь поесть. Это поможет вам лучше всего.

Меня насмешили его старания налить похлебку одной рукой, и я стала ему помогать. Он оказался прав: еда помогла мне. Мы ели похлебку и жевали хлеб в дружественном молчании, разделяя удовольствие от тепла и сытости.

Наконец Джейми встал, поднял с пола упавший плед и положил его на кровать. Подтолкнул меня.

– Поспи немного, Клэр. Ты устала, а похоже, кто-то захочет поговорить с тобой довольно скоро.

То было неприятное напоминание о моем двусмысленном положении, но я слишком устала, чтобы думать об этом теперь. Для проформы пролепетала нечто протестующее по поводу постели, но в данный момент для меня не было в мире ничего более соблазнительного. Джейми заверил меня, что себе он найдет ложе где угодно. Я опустила голову на груду пледов и уснула прежде, чем Джейми дошел до двери.

Глава 5. Маккензи

Я проснулась в состоянии полной прострации. Смутно помнила, что произошло нечто невероятное, но не соображала, что же именно. Я спала очень крепко и, очнувшись, некоторое время не осознавала ни кто я, ни тем более где нахожусь. Мне самой было тепло, но в комнате стоял пронзительный холод. Я попыталась поглубже зарыться в кокон из пледов, но голос, который разбудил меня, не умолкал:

– Просыпайтесь, барышня! Просыпайтесь, пора вставать!

Голос был низкий и добродушно-грубоватый, чем-то напоминающий лай тех собак, которые сторожат овец.

С величайшей неохотой я с трудом приоткрыла один глаз и увидела гору, облаченную в коричневое домотканое полотно. Миссис Фицгиббонс! Ее явление тотчас привело меня в полную ясность рассудка, и память вернулась ко мне. Значит, все это реально.

Завернувшись от холода в покрывало, я нерешительно выбралась из постели и поскорее направилась к очагу. Меня ожидала чашка горячей похлебки, которую принесла с собой миссис Фицгиббонс; я проглотила ее и почувствовала себя человеком, уцелевшим после массированной бомбежки. Миссис Фицгиббонс тем временем разложила на постели полный набор одежды: длинную светло-желтую сорочку, отороченную узким кружевом, нижнюю юбку из тонкой хлопчатобумажной материи, две верхние юбки коричневого цвета и лимонно-желтый корсаж. Шерстяные чулки в коричневую полоску и пара желтых домашних туфель завершили ансамбль.

Не принимая никаких протестов, дама заставила меня снять мое не соответствующее обстоятельствам одеяние и наблюдала за тем, как я облачаюсь в принесенное ею. Слегка отступив назад, она полюбовалась делом своих рук.

– Желтый цвет вам идет, милочка, впрочем, я так и думала. Подходит к каштановым волосам и добавляет немножко золота в ваши глаза. Погодите, вам же нужна еще лента.

Сунув руку в обширный, словно сумка, карман, она извлекла из него пучок лент и какие-то украшения.

Слишком ошеломленная, чтобы возражать, я позволила ей причесать меня и стянуть лентой волосы с боков назад. Лента была бледно-желтая; завязывая ее, миссис Фицгиббонс кудахтала по поводу того, как неженственно носить волосы до плеч.

– Господи помилуй, дорогая, как это вас угораздило так коротко остричься? Вам пришлось маскироваться, да? Я слыхала, что некоторые девушки так поступают, чтобы скрыть во время путешествия свой пол и уберечься от проклятых красномундирников. Ничего себе настало времечко, говорю я, если леди не могут чувствовать себя в безопасности на дороге.

Она суетилась вокруг меня, осматривала со всех сторон, то поправляя выбившуюся кудряшку, то одергивая складку. Наконец она осталась удовлетворена моим видом.

– Так, теперь все хорошо. Можете перекусить, и я отведу вас к самому.

– К самому? – сказала я, вполне, однако, равнодушная к тому, какое имя стоит за этим словом.

Кто бы ни был этот «сам», он, конечно, будет задавать мне нелегкие вопросы.

– Ну да, к Маккензи то есть. К кому же еще?

В самом деле, к кому же еще? Замок Леох, как мне смутно припомнилось, располагался в самой середине земель клана Маккензи. Очевидно, что главным таном – вождем клана – является один из членов рода. Я начала понимать, почему наш маленький конный отряд скакал всю ночь, чтобы добраться до замка: это самое безопасное место для тех, кого преследуют солдаты короны. Ни один английский офицер, обладающий хотя бы каплей здравого смысла, не завел бы своих людей столь глубоко во владения клана. Поступить подобным

образом – значило нарваться на засаду в первой же рощице. А у ворот замка решилось бы появиться только хорошо вооруженное войско. Я пыталась вспомнить, заходила ли когда-нибудь английская армия так далеко, но тут мне пришло в голову, что возможный удел замка – куда менее уместный повод для размышлений, нежели мое непосредственное будущее.

Мне не хотелось ни лепешек, ни овсянки, которые принесла миссис Фицгиббонс на завтрак, но я отломила кусочек лепешки и сделала вид, что жую и глотаю, – надо было выиграть хоть сколько-нибудь времени для размышлений. Когда миссис Фицгиббонс пришла за мной, чтобы вести к Маккензи, у меня уже был готов примерный план поведения.

Лэрд принял меня в помещении, расположенном наверху каменной лестницы в один марш. Комната находилась в башне и потому была круглой формы, покатые стены украшены картинами и гобеленами. Другие комнаты в замке показались мне достаточно удобными, но пустоватыми, а эта была битком набита предметами роскоши, заставлена мебелью, украшенной резным орнаментом, и тепло освещена огнем камина и свечей – как бы в противовес дурной погоде за окнами. Во внешних стенах замка были проделаны высокие узкие окна типа бойниц, здесь же окна оказались иные: более современные, длинные, двустворчатые, они хорошо пропускали дневной свет.

Едва я вошла, мое внимание привлекла огромная металлическая клетка, хитроумно сконструированная таким образом, чтобы вписываться в округлую форму комнаты от пола до потолка; клетка полна была множеством маленьких птичек – зябликов, овсянок, синиц и других певуний. Я подошла поближе, и передо мной замелькали пушистые тельца и блестящие глазки-бисеринки, они напоминали драгоценности, рассыпанные по зеленому бархату листьев дуба, вяза и каштана – все эти деревья были заботливо посажены в горшки с мульчированной почвой. Веселый щебет говорливых пташек сопровождался трепетом крылышек и шорохом листьев, когда обитатели клетки перепархивали с одного деревца на другое.

– Хлопотливые маленькие создания, не правда ли? – раздался позади меня глубокий, приятный голос, и я обернулась с застывшей улыбкой.

Колум Маккензи сложением и высоким лбом напоминал своего брата Дугала, однако жизненная сила, которая у Дугала производила пугающее впечатление, здесь была смягчена приветливостью, но приветливостью активной, живой. Более смуглый, чем брат, с глазами голубовато-серыми, а не карими, Колум излучал настолько сильную жизненную энергию, что вы чувствовали себя не слишком уютно, если он приближался к вам чересчур близко. Мне это казалось тем более неудобным, что прекрасно вылепленная голова и длинный торс сочетались с обескураживающе кривыми и короткими ногами. Мужчина, который мог бы иметь рост в шесть футов, едва доставал головой мне до плеча.

Он разглядывал птичек, тактично давая мне время – весьма необходимое! – чтобы овладеть собой и принять соответствующее выражение лица. Он, разумеется, уже привык к реакции людей, встречающихся с ним впервые. Продолжая осматривать комнату, я задала себе вопрос, часто ли Колуму приходится видеть новых людей. То место, где я сейчас находилась, несомненно было убежищем, созданным по собственным представлениям мирком человека, для которого внешний мир стал непривлекателен – или недоступен.

– Приветствую вас, миссис, – проговорил он с легким поклоном. – Перед вами Колум бан Кэмпбелл Маккензи, хозяин этого замка. Я понял из слов моего брата, что ему привелось… э-э… повстречать вас на некотором расстоянии отсюда.

– Он похитил меня, если хотите знать, – сказала я.

Мне, безусловно, хотелось бы, чтобы разговор носил доброжелательный характер, однако еще больше мне хотелось убраться из замка и попасть туда, где на холме стояли вкруг каменные столбы. Что бы со мной ни произошло, ответ на загадку находился там – если он вообще существовал.

Брови лэрда слегка приподнялись, и улыбка тронула его красиво очерченные губы.

– Возможно, – согласился он. – Дугал порой бывает немного… порывист.

– Хорошо. – Я снисходительно махнула рукой, снимая проблему с повестки дня. – Я готова признать, что имело место недоразумение. Но я настаивала бы на том, чтобы меня возвратили… на то место, откуда увезли.

– Мм…

Все еще не опуская брови, Колум жестом предложил мне сесть.

Я неохотно подчинилась, и он кивнул одному из слуг, который тотчас исчез за дверью.

– Я послал за чем-нибудь освежающим, миссис… Бошан, если не ошибаюсь? Как я понял, мой брат и его люди нашли вас в явно затруднительном положении.

Мне почудилось, что он прячет усмешку, и я представила себе, как ему рассказывали о моем неподобающем одеянии.

Я глубоко вздохнула. Пора было приступать к объяснениям. Обдумывая свой рассказ, я припомнила, что говорил мне Фрэнк о подготовке офицеров к допросу в руках противника – их обучали этому на специальных курсах. Самое главное заключалось в том, чтобы держаться по возможности ближе к правде, изменяя лишь те детали, которые нужно было держать в секрете. Это уменьшает шанс попасться на какой-нибудь незначительной подробности легенды. Ну что ж, посмотрим, насколько это эффективно.

– Да, вы правы. На меня напали.

Он кивнул, лицо оживилось.

– Вот как? Кто же на вас напал? Скажи правду.

– Английские солдаты. В частности, человек по имени Рэндолл.

При звуке этого имени аристократическое лицо мгновенно изменилось – на нем по-прежнему была заинтересованность, однако линия рта сделалась жестче, а морщины по краям его – резче. Имя ему явно было знакомо. Глава клана Маккензи слегка откинулся назад, составил пальцы обеих рук «домиком» и посмотрел на меня поверх них.

– Вот как, – произнес он. – Расскажите об этом поподробнее.

Ну что ж, с божьей помощью я могла ему кое-что рассказать. Изложила основные подробности стычки между шотландцами и людьми Рэндолла – он легко мог справиться об этом у Дугала. Поведала и содержание моего разговора с капитаном Рэндоллом – мне ведь было неизвестно, сколько успел услышать Мурта.

Колум кивнул, полный жадного внимания.

– Так, – сказал он. – Но каким образом вы-то оказались в том месте? Это далеко в сторону от дороги на Инвернесс, где вы, как я полагаю, собирались сесть на корабль.

Я кивнула и набрала в грудь побольше воздуха. Мы теперь волей-неволей вступали в область чистого вымысла. Хотелось бы мне, чтобы я в свое время более внимательно прислушивалась к рассказам Фрэнка о разбойниках с большой дороги, но теперь уж ничего не попишешь, постараюсь как смогу. Я назвала себя вдовствующей леди из Оксфордшира (что, в связи со сложившимися обстоятельствами, было не столь уж далеко от истины). Я путешествовала со своим слугой и направлялась к дальним родственникам во Францию (что, понятно, от истины было весьма далеко). На нас напали грабители, и мой слуга то ли был убит, то ли попросту сбежал. Верхом на своей лошади я ускакала в лес, но была схвачена на некотором расстоянии от дороги. Пытаясь убежать от бандитов, я вынуждена была оставить и лошадь, и все имущество, которое она везла. Мне удалось скрыться, но, блуждая по лесу, я подверглась нападению капитана Рэндолла и его людей.

Я откинулась к спинке кресла, довольная собственным рассказом: все просто, ясно и правдиво и в тех деталях, которые можно проверить. Лицо Колума не выражало теперь ничего, кроме вежливого внимания. Он открыл было рот, чтобы задать мне какой-то вопрос, но в это время у двери раздался слабый шорох. Там появился мужчина, один из тех, кого я

видела во дворе, когда мы только приехали в замок; он держал в руках небольшую кожаную шкатулку.

Вождь клана Маккензи извинился с изысканной любезностью и оставил меня созерцать птичек, заверив, что очень скоро вернется, чтобы продолжить наш в высшей степени интересный разговор.

Едва дверь за ним затворилась, как я бросилась к книжной полке и начала быстро перебирать рукой кожаные переплеты. На полке находилось более двадцати книг. Я поспешно просматривала титульные листы. На некоторых не были обозначены годы издания, на остальных же стояли даты от 1720 до 1742. Колум Маккензи, безусловно, любил роскошь, но никакие другие вещи в комнате не свидетельствовали о том, что он вообще любитель антиквариата. Да и переплеты книг были совершенно новые, без трещин, а бумага без пятен.

Не испытывая никаких угрызений совести, я обшарила письменный стол оливкового дерева, прислушиваясь, не раздаются ли за дверью шаги.

В среднем ящике я нашла то, что искала: неоконченное письмо, написанное беглым почерком и для меня нечитаемое из-за необычной орфографии и полного отсутствия знаков препинания. Бумага была новая и чистая, чернила четкие и яркие. И хоть само письмо разобрать я не могла, дата его, обозначенная наверху страницы, словно огнем вспыхнула у меня перед глазами: 20 апреля 1743.

Колум вернулся через несколько минут и застал свою гостью сидящей возле окна с благопристойно сложенными на коленях руками. Сидящей – потому что ноги меня не держали. Со сложенными руками – чтобы скрыть дрожь, из-за которой я еле успела вовремя сунуть письмо на место.

Он принес с собой поднос с угощением – кружку эля и овсяные лепешки с медом. Я угощалась лишь для виду, желудок был стиснут спазмом и ничего не хотел принимать.

Еще раз извинившись за свое отсутствие, Колум выразил сочувствие по поводу постигшей меня беды. Затем выпрямился и, глянув на меня испытующим оком, спросил:

– Как это случилось, миссис Бошан, что люди моего брата обнаружили вас блуждающей по лесу в нижнем белье? Разбойники, если они рассчитывали на выкуп, не стали бы досаждать вам дурным обращением. Что касается капитана Рэндолла, то хотя я слышал о нем разное, но все же не думаю, чтобы офицер английской армии оказался способен на насилие по отношению к заблудившейся путешественнице.

– Неужели? – откровенно огрызнулась я. – Не знаю, что вы о нем слышали, но как раз на подобный поступок он способен.

Планируя свою историю, я как-то упустила из виду такую деталь, как моя одежда; кроме того, я не имела представления, с какого момента Мурта начал следить за мной и капитаном Рэндоллом.

– Понятно, – сказал Колум. – Полагаю это возможным. По правде говоря, репутация у него дурная.

– Полагаете возможным? – переспросила я, потому что на лице у вождя клана Маккензи было написано пусть и слабое, но вполне определенное недоверие. – Как? Вы не верите тому, что я вам рассказала?

– Я не говорил, что не верю вам, миссис, – ответил он спокойно. – Но я не мог бы возглавлять большой клан свыше двадцати лет, если бы не приучил себя не принимать сразу на веру все, что мне рассказывают.

– Хорошо, но если вы не верите, что я та, за кого себя выдаю, то кто же я, по-вашему, черт меня побери? – выпалила я.

Он заморгал, явно потрясенный моим лексиконом, но тотчас же черты его лица обрели обычную твердость.

– А вот об этом, – сказал он, – и следует подумать. Пока же, миссис, вы желанная гостья в Леохе.

Он поднял руку, изящным жестом давая понять, что аудиенция окончена, и застывший в дверях слуга сделал шаг вперед, собираясь проводить меня в мою комнату.

Колум не произнес слов, которые тем не менее напрашивались сами. Когда я уходила, они висели в воздухе надо мной, как если бы их высказали: «До тех пор, пока я не узнаю, кто вы есть на самом деле».

Часть вторая. Замок Леох

Глава 6. Приемная колума

Маленький мальчик, к которому миссис Фицгиббонс обращалась как к «юному Алеку», пришел, чтобы передать мне приглашение на обед. Трапеза проходила в длинной, узкой комнате, вдоль всех стен уставленной столами, около которых непрерывно сновали слуги, появляясь из двух сводчатых проходов по обоим концам комнаты с подносами, досками для хлеба и кувшинами в руках. Лучи заходящего солнца проникали в помещение сквозь высокие узкие окна; в канделябры по стенам были вставлены факелы – их, очевидно, зажгут с уходом дневного света.

Знамена и тартаны[10] висели по стенам между окон, красочными пятнами выделяясь на фоне серого камня. Словно по контрасту, люди, собравшиеся на обед, были в одежде практичных оттенков серого и коричневого цвета либо в охотничьих килтах светло-коричневых и зеленых тонов, незаметных среди зарослей вереска.

Я чувствовала взгляды, сверлящие мою спину, пока юный Алек вел меня к «верхнему» концу покоя, но большинство обедающих вежливо опустили глаза в тарелки. Здесь, как видно, особых церемоний не полагалось, ели кто как хотел, сами накладывая себе яства с деревянных блюд или переправляя собственные деревянные же тарелки по столу в дальний конец комнаты, где два подростка поворачивали вертел с целой бараньей тушей над огнем великанского очага. Обедающих было человек сорок да еще человек десять слуг. Гул громких разговоров заполнял помещение, говорили в основном по-гэльски.

Колум уже восседал во главе стола, коротенькие ноги скрыты под резным дубовым стулом. Он любезно кивнул при моем появлении и указал мне на место слева от себя, рядом с пухленькой и миловидной рыжеволосой женщиной, которую он мне представил как свою жену. Звали ее Летицией.

– А это вот мой сын Хэмиш, – добавил он, положив руку на плечо мальчику лет семи или восьми, красивому и тоже рыжеволосому, который поднял глаза от своей тарелки лишь для того, чтобы коротко кивнуть мне, отмечая таким образом мое появление.

Я посмотрела на мальчика с любопытством. Как и другие Маккензи-мужчины, каких мне уже довелось увидеть, он был широколицый, плоскоскулый, с глубоко посаженными глазами. Исключая разницу в цвете волос, он казался уменьшенным подобием своего дяди Дугала, сидевшего с ним рядом. Две девочки-подростка, занимавшие места рядом с Дугалом по другую сторону, были мне представлены как его дочери Маргарет и Элинор; обе они, знакомясь со мной, хихикали и подталкивали одна другую.

Дугал приветствовал меня короткой дружелюбной улыбкой, но перед этим пододвинул ко мне блюдо, к которому уже было протянула ложку одна из его дочерей.

– Где ваши манеры, барышня? – проворчал он. – Сначала гостье.

С некоторым колебанием я приняла поданную мне большую роговую ложку. Кто знает, что там у них лежит на блюде… С немалым облегчением я тут же обнаружила, что мне предлагают нечто давно знакомое и по виду, и по запаху – копченую селедку.

Я никогда не пробовала есть селедку ложкой, но нигде не было видно ничего похожего на вилку, и я смутно припомнила, что трехзубые вилки особой формы вошли в употребление гораздо позже.

---

[10] Тартаны – шерстяные пледы геральдических цветов клана.

Приглядевшись к поведению едоков за другими столами, я убедилась, что в тех случаях, когда ложка неудобна для еды, они орудуют кинжалами, чтобы отделить кости или разрезать мясо, благо кинжалы у них всегда под рукой. У меня кинжала не было, и я решила все-таки попробовать подцепить селедку ложкой, но встретила строгий осуждающий взгляд темно-голубых глаз юного Хэмиша.

– Вы еще не прочитали благодарственную молитву, – сурово произнес он и нахмурился.

Он явно счел меня лишенной совести язычницей – если не совсем отъявленной грешницей.

– Может быть, вы сделаете это вместо меня? – решилась я попросить его.

Голубые глаза широко раскрылись в изумлении, но после недолгого размышления мальчик кивнул и сложил руки, как полагается в этом случае. Он окинул взглядом стол, убедился, что ему внемлют с должным пониманием и уважением, и, наклонив голову, произнес:

У которых есть что есть, те подчас не могут есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас здесь есть что есть, да вдобавок есть чем есть,
Значит, нам благодарить остается небо!.. Аминь[11].

Подняв глаза над своими молитвенно сложенными руками, я встретилась взглядом с Колумом и улыбкой дала ему понять, что оценила самообладание его отпрыска. Он подавил собственную улыбку и с серьезным лицом кивком поблагодарил сына, промолвив:

– Хорошо сказано, мальчик. Передай, пожалуйста, хлеб.

Разговоры за столом в основном ограничивались просьбами передать то или другое блюдо, ибо каждый пришел для того, чтобы как следует поесть. У меня аппетит отсутствовал, частью по причине ошеломляющих обстоятельств, а частью потому, что селедки мне не хотелось. Но баранина была недурна, а хлеб – свежий, хрустящий – просто восхитителен, причем его можно было есть со свежим несоленым маслом.

– Надеюсь, мистер Мактевиш чувствует себя лучше, – вставила я свое слово во время краткого перерыва в еде. – Я что-то не видела его здесь.

– Мактевиш?

Тонкие брови Летиции взлетели вверх над округлившимися голубыми глазами.

Я скорее почувствовала, нежели увидела, как Дугал поднял голову.

– Молодой Джейми, – бросил он отрывисто и снова вернулся к бараньей кости, которую держал в руках.

– Джейми? С ним что-то случилось?

На круглощеком лице Летиции появилось беспокойное выражение.

– Всего-навсего царапина, дорогая моя, – успокоил ее Колум и обратился к брату: – Но где же он, Дугал?

Мне показалось, что в темных глазах мелькнуло подозрение. Дугал пожал плечами, не поднимая глаз от своей тарелки.

– Я его послал в конюшню помочь старику Алеку управиться с лошадьми. Кажется, это его любимое место, так что все в порядке.

Теперь Дугал поднял наконец голову и посмотрел брату в глаза.

– Может быть, у тебя были насчет него другие намерения?

На лице у Колума явно отразилось какое-то сомнение.

---

[11] Эти строки переведены с английского С. Я. Маршаком; они принадлежат перу Роберта Бернса, родившегося в 1759 г. Поскольку действие романа происходит в 1743 г., автором допущен литературный анахронизм.

– В конюшню? Да, понятно. Ты ему так доверяешь?

Дугал тщательно вытер рукой губы и потянулся за куском хлеба.

– Решай сам, Колум, если ты не согласен с моим распоряжением, – сказал он.

Губы Колума крепко сжались на мгновение, но он ответил:

– Да нет, я думаю, он там вполне справится.

И вернулся к трапезе.

У меня были некоторые сомнения насчет того, является ли конюшня подходящим местопребыванием для человека с огнестрельным ранением, однако я сочла неуместным высказывать их в этом обществе. Про себя я решила наутро отыскать молодого человека и расспросить его, чтобы удостовериться, что с ним все в порядке.

От пудинга я отказалась и принесла извинения, ссылаясь на усталость, что отнюдь не было притворством. Я была так измотана, что почти не обратила внимания на слова Колума:

– Спокойной вам ночи, миссис Бошан, завтра утром я попрошу кого-нибудь привести вас на прием.

Одна из служанок, заметив, как я ощупью пробираюсь по коридору, сжалилась надо мной и проводила со свечой до самой моей комнаты. Этой свечой она зажгла одну из тех, что стояли у меня на столе, и мягкий свет замерцал на каменных стенах, отчего мне на мгновение почудилось, что я в склепе. Едва служанка ушла, я отодвинула с окна вышитую занавеску, и неприятное ощущение исчезло, словно улетело с дуновением свежего воздуха, ворвавшимся в комнату. Я попыталась обдумать происшедшее, но разум отказывался воспринимать что бы то ни было – так мне хотелось спать. Я юркнула под плед, загасила свечу и заснула, глядя на медленно восходящую луну.

Наутро меня снова разбудила солидная миссис Фицгиббонс, которая принесла с собой полный набор косметики для знатной шотландской леди. Свинцовые гребенки – чтобы сделать более темными брови и ресницы, горшочки с порошком фиалкового корня и рисовой пудрой, какую-то палочку – я догадалась, что это краска для век, хоть никогда таких предметов не видела раньше, и, наконец, маленькую фарфоровую чашечку французских румян, на которой были изображены позолоченные лебеди.

Миссис Фицгиббонс сменила домотканое платье, в котором была накануне, на зеленое полосатое одеяние с шелковым корсажем; чулки на ней были желтые фильдекосовые. Следовательно, пресловутый прием был чем-то важным и значительным. Я хотела было настоять, что отправлюсь туда в собственном платье, просто из чувства противоречия, но вспомнила, какой взгляд бросил жирный Руперт на мой наряд, и отказалась от этой мысли.

К тому же мне был симпатичен Колум, несмотря на то что он собирался удерживать меня в замке на неопределенное время. Что касается его намерений, то мы еще посмотрим, решила я, пока тщательно накладывала румяна. Дугал сообщил, что молодой человек, которого я лечила, находится на конюшне. А в конюшне, как известно, обретаются лошади, а на лошади можно ускакать. Я твердо вознамерилась повидаться с Джейми, как только кончится «прием».

Приемная оказалась той же самой комнатой, в которой вчера обедали, но несколько трансформированной: столы, скамейки и табуреты отодвинули к стенам, главный стол убрали и заменили массивным гнутым креслом темного дерева, накрытым пледом, который я сочла тартаном клана Маккензи: на нем сочетались темно-зеленый и черный цвета, перекрещенные тонкими линиями – красными и белыми. Ветки падуба украшали стены, на каменных плитах пола разбросаны стебли камыша.

Совсем молодой волынщик стоял позади большого кресла и дул в маленькие трубочки волынки, извлекая разнообразные вздохи и хрипы. Там же собрались те, кого я посчитала наиболее приближенными слугами Колума: узколицый мужчина в клетчатых штанах и

закопченной рубашке – он расположился возле стены; маленький лысый человек в кафтане из тонкой парчи – скорее всего, что-то вроде писаря, поскольку он восседал за столиком, на котором стояла роговая чернильница, лежали гусиные перья и бумага; затем еще двое крепких мускулистых мужчин – по-видимому, охранники, и, наконец, рядом с ними – самый большой человек, каких я видела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.